

САД РУИН

The poster depicts a woman in the foreground, looking off to the side while holding a small green plant growing from a stone archway. In the background, a man stands on a ledge, holding a golden object. The setting is a vast, ruined city with glowing lights and a river in the distance under a twilight sky. The title 'САД РУИН' is written in large, ornate golden letters at the top.

МАРА СВЕТЛАНОВА

Мара Светланова

Сад руин

<https://litres.ru/74422373>

SelfPub; 2026

Аннотация

Садовница Аделя Рун умеет выращивать дома из обломков отвергнутых решений. До зимы ей нужно спасти жителей Лерры, но аварийное семя поднимает идеальный квартал, который питается чужим трудом и непрожитыми жизнями.

Чтобы остановить его, Аделе приходится объединиться с Кайром Веленом — архитектором, когда-то вычеркнувшим из общего плана всё, что не укладывалось в расчёт. Вместе они узнают: основание города хранит давнюю подмену, а новая столица уже готова прорасти сквозь каждый порог.

Аделя должна отказаться от соблазна создать единственно правильный город и доказать, что безопасность возможна без присвоенного согласия. Но сможет ли любовь вырасти между двумя людьми, если ни один больше не готов отдавать другому право выбирать своё будущее?

Содержание

От автора	4
Глава 1. Дом прорастает ночью	5
Глава 2. Корни под чужим порогом	23
Глава 3. Архитектор возвращённого плана	39
Глава 4. Труд, которого никто не отдавал	55
Глава 5. Сестра не выбирает за район	65
Глава 6. Первый порог	82
Глава 7. Три условия роста	95
Глава 8. Улица отвергнутых свадеб	111
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Мара Светланова

Сад руин

От автора

Мы часто говорим о восстановлении так, будто достаточно вернуть утраченное в прежнем виде. Но город, дом и отношения после разрушения не становятся честнее от точной копии прошлого. Их приходится выращивать заново — из того, что уцелело, из труда живых людей и из признания того, что некоторые возможности уже закрылись.

«Сад руин» — история о праве участвовать в будущем, которое строят для тебя. Здесь профессиональное знание важно, но не даёт права выбирать чужую жизнь; любовь помогает героям видеть последствия своих решений, но не отменяет ответственность и границы.

Я надеюсь, этот роман станет путешествием через город, где камни помнят несостоявшиеся дороги, а надежда начинается не с идеального плана, а с вопроса: что мы готовы вырастить вместе?

Глава 1. Дом прорастает ночью

Дом начал расти в ту минуту, когда Аделя велела погасить фонари.

До этого в западной котловине было темно, холодно и вполне понятно. Внизу лежали три ряда времянок, собранных из дверей, баржевых досок и уцелевших кровельных листов. Между ними тянулись верёвки с бельём, над печными трубами дрожал сизый дым. За времянками высился обломок старой Лерры — шесть этажей стены без комнат, лестниц и крыши. Она стояла после Падения уже девятый год, и местные называли её Спиной: стена принимала на себя речной ветер и тем самым пока ещё приносила больше пользы, чем вреда.

Всё остальное в котловине было хуже.

Мороз ожидали через три недели. В убежищах на северном склоне не осталось сухих мест. Последний караван привёз известь вместо шерсти, а городская Коллегия прислала бумагу с уверением, что вопрос зимнего жилья включён в первоочередной план. Бумага хорошо горела, но Аделя запретила пускать её на растопку: на обороте был перечень семей, которым требовались дома.

Сорок семь семей. Сто восемьдесят два человека. Из них двадцать один ребёнок младше семи лет.

А перед Аделей в земле лежало семя, способное за одну

ночь поднять улицу.

— Гасите, — повторила она.

Помощники накрыли три садовых фонаря медными колпаками. Котловина стала глубже. Только жаровня возле посадочного круга подсвечивала руки людей и влажные края выкопанной чаши.

Аделя присела, провела ладонью над почвой и почувствовала ровное тепло. Слишком ровное. Настоящее городское семя отзывалось на близость труда: возле него земля делалась то тёплой, то прохладной, словно примерялась к разным рукам. Это не колебалось. Оно уже знало, каким хочет стать.

— Ещё можно вынуть, — сказала Сена.

Сестра стояла по другую сторону круга, широко расставив ноги. На ней был кожаный фартук каменщицы, а волосы она стянула красным шнуром, чтобы не лезли в глаза. За её спиной ждали восемь человек западной артели. Никто не держал инструмента: Аделя настояла, чтобы решение принимали до начала работы, а не тогда, когда потраченных сил станет жалко.

— Можно, — согласилась она.

— Тогда вынимай.

Голоса у времянок стихли. Люди слышали их, хотя делали вид, будто заняты печами.

Аделя посмотрела на семя. Серый узел размером с детский кулак лежал на дне чаши среди толчёного кирпича. Когда-то это был каменный макет дома — один из сотен, ко-

торами архитекторы обозначали будущие кварталы до Падения. У макета не сохранились ни окна, ни дверь, только гладкие стены и угол крыши. Обломок решения, от которого отказались слишком поздно.

Первое условие роста было выполнено.

Второе они готовили всю неделю. Каждая семья дала письменное согласие на восемь смен общего труда. Артельщики разобрали опасные перекрытия на юге, очистили кирпич, просеяли золу, выкопали водоотводы. Даже старуха Мейла, которой нельзя было поднимать тяжёлое, два дня сортировала гвозди и ругалась на всякого, кто предлагал ей отдохнуть. Труд был добровольным, посчитанным и названным.

Оставалось третье условие.

— Они признали утрату? — спросила Сена.

— Каждый лист подписан.

— Я не о подписях.

Аделя выпрямилась. Сестра умела ударить в слабое место коротко, без замаха.

На столе у жаровни лежали сорок семь листов. На каждом человек должен был назвать возможность, которую оставляет ради общего дома. Не вещь, не деньги и не близкого. Сад не принимал то, что можно отнять. Ему требовалось решение, которое человек когда-то мог принять, но теперь сознательно закрывал: мастерская с отдельным входом, ещё одна комната, переезд на другой берег, возвращение в родное

селение. Не жертва городу, объясняла Аделя на собраниях. Граница. Чтобы новый дом знал, где заканчиваются его права.

Листы были заполнены. Но слишком многие слова звучали одинаково.

«Отказываюсь от прежнего дома».

«Признаю, что прежний дом утрачен».

«Не требую восстановить прежний дом».

Будто сорок семь разных жизней потеряли одно и то же, одинаковыми чернилами.

— Они устали, — сказала Аделя. — Им нужен кров до мороза.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Сена повернулась к людям у времянок. Там кашлянул ребёнок. Хлопнула дверь, которую ветер тут же распахнул снова. Из щели между досками высунулась полоска жёлтого света.

— Если мы отложим посадку, — тихо сказала Аделя, — ночью будет минус пять. Через неделю — минус десять. Ты можешь сложить стены для восьми семей. Я могу вырастить их для сорока семи.

— Если семя примет пустые слова.

— Если не примет, оно не взойдёт.

Это было не совсем ложью. Раньше неподготовленные семена действительно оставались камнем. Но прежние посад-

ки делали из маленьких обломков: дверного порога, части печи, угла школьной доски. Никто в Лерре не пытался вырастить целый квартал из архитектурного макета.

И никто не проводил посадку через девять лет после решения, которое макет воплощал.

Аделя сняла перчатку и сжала серый камень голой рукой. Внутри него будто повернулся крошечный ключ. На миг она увидела не котловину, а светлый двор с четырьмя одинаковыми липами. Галереи окружали его с трёх сторон. В окнах горел мягкий свет, двери закрывались без щелей, вода шла по трубам сама. Женщина несла корзину по сухому переходу. Двое детей читали под фонарём. Ни грязи, ни ветра, ни зимней тесноты.

Ничего лишнего.

Ничего живого.

Она разжала пальцы. Видение исчезло, оставив во рту вкус известковой пыли.

— Что ты увидела? — спросила Сена.

— Проект.

— Чей?

Вопрос повис между ними.

На макете не было клейма. Его нашли под развалинами старого управления вместе с ящиком измерительных пластин. Архивная карточка выцвела, и только на крышке ящика сохранился знак Коллегии — циркуль, охватывающий мост. Аделя знала десяток архитекторов, которые могли со-

здать такой двор. Одного она старалась не вспоминать вовсе.

— Мёртвого города, — ответила она.

— Мёртвый город не держал резца.

— Сена.

— Аделя.

Они замолчали. В детстве сестра повторяла её имя именно так, когда собиралась сделать что-нибудь вопреки запрету: уйти на реку в половодье, забраться на крышу соляного склада, привести домой щенка с шестью лапами. Теперь ей было тридцать четыре, за ней стояла артель, а красный шнур в волосах означал право остановить опасную кладку. Но выражение лица осталось прежним.

— Я не дам тебе труд артели, пока не услышу решение,

— сказала Сена. — Не приказ. Решение.

— У меня есть согласия всех семей.

— У тебя есть одинаковые листы, которые старшина раздал после трёхчасового собрания. Половина подписала их, чтобы уйти кормить детей.

— Ты сама была на собрании.

— Поэтому и знаю.

С краю круга шевельнулась Олла. Старая садовница до сих пор не произнесла ни слова. Она сидела на перевёрнутой тачке, укрыв больные колени овечьей попоной, и точила нож о плоский камень. Шорк. Пауза. Шорк. Пауза. Этим звуком она могла расшатать чужую уверенность лучше, чем спором.

Аделя ждала совета. Олла подняла нож, проверила лезвие

ногтем и сказала:

— Хотите успеть до мороза — перестаньте тратить ночь на доказательство, кто из вас больше боится.

— Я не боюсь, — отозвалась Сена.

— Ты боишься, что сестра перепутает умение с правом. А она боится, что твоя честность оставит детей без крыши. Обе разумные. Обе невыносимые.

Кто-то из артельщиков сдавленно фыркнул.

Олла сунула нож в ножны и поднялась. Ей пришлось опереться на край тачки, но руку Адели она отстранила.

— Покажи списки труда.

Аделя подала ей тетрадь. Олла перелистнула страницы, задержалась на последних строках.

— Вчера добавились двадцать четыре смены.

— Люди с северного склона пришли помочь.

— Их здесь нет.

— Старшина сказал, они отработали на сортировке кирпича днём.

Сена протянула руку. Олла отдала тетрадь ей.

— Я закрывала площадку, — сказала сестра, пробежав страницу глазами. — Вчера никто не сортировал кирпич. Дождь залил навес.

Ветер дёрнул край попоны. Аделя почувствовала, как тепло семени поднялось по земле и коснулось подошв.

— Может быть, работали на восточном складе.

— Тогда почему смены записаны на нашу посадку?

— Позовём старшину.

— Поздно, — сказала Олла.

Садовница смотрела не на тетрадь. Она смотрела в чашу. Серый макет раскололся.

Трещина прошла от уцелевшего угла крыши до основания, тонкая и чёрная. Из неё показался белый корешок. Он ощупал воздух, дрогнул и вошёл в смесь золы и кирпичной крошки.

Никто не произнёс ни слова.

Корешок раздвоился. Один побег потянулся к стопке подписанных утрат. Второй — к тетради со сменами.

— Не трогать, — приказала Аделя.

Она сама шагнула в круг, хотя каждая мышца требовала отшатнуться. Земля под ногами стала мягкой. По ней разбегались тонкие выпуклые линии, как жилки на листе. Они окружили чашу, нашли борозды, выкопанные для фундамента, и пошли по ним безошибочно, будто кто-то заранее начертил будущие стены.

— Оно взошло без посадочного слова, — прошептал молодой артельщик.

— И без вашего труда, — сказала Сена.

— Наш труд рядом, — резко ответила Аделя. — Корни могли его почувствовать.

Олла посмотрела на неё с сожалением.

Это было хуже упрёка.

— Режем, — решила Аделя. — Сейчас. По внешней бо-

розде.

Сена уже раздавала команды. Артельщики схватили лопаты и крючья. Аделя опустилась на колени, вонзила садовый нож в ближайший корень и нажала обеими руками.

Лезвие зазвенело, будто ударило в стекло.

Из земли донёсся вздох.

У времянок закричала женщина.

Первые стены поднялись без шума. Просто там, где секунду назад лежал мокрый щебень, теперь стояли ряды кирпича — сначала по щиколотку, потом по колено, потом по пояс. Кирпичи не складывались один на другой: они раскрылись из земли, как плотные красные листья. Между ними сразу белели швы. За стенами поднимались балки, выгибались лестничные марши, распрямлялись оконные рамы.

Аделя отступала, пока край новой кладки не вытеснил её из круга.

— Назад! — крикнула она. — Всех от борозд!

Сена вытолкнула молодого артельщика за плечо. Через место, где он стоял, проросла каменная ступень. Её гладкий край был украшен узором из липовых листьев.

Дом рос точно таким, каким Аделя увидела его в семени. Светлый двор. Галереи. Четыре липы.

Только ночь ещё не закончилась, а он уже был выше Спины.

Люди выбегали из времянок. Кто-то плакал. Кто-то смеялся. Один мужчина опустился прямо в грязь и закрыл лицо

руками. Дети рванулись к широкой арке, за которой вспыхнули тёплые фонари, и Аделе пришлось встать у входа, раскинув руки.

— Внутрь нельзя!

— Почему? — крикнули из толпы. — Там же тепло!

— Мы не проверили опоры.

— Оно само стоит!

— Всё падает само, если достаточно подождать.

Она узнала голос старшины Рета прежде, чем увидела его. Он проталкивался вперёд, запахивая поверх рубахи овчинный полушубок. Лицо у него было красным после бега или вина.

— Садовница, отойди, — сказал он. — Люди девять лет ждали.

— Именно поэтому подождут ещё час.

— Ты обещала дома до мороза.

— Я обещала безопасные дома.

Рет оглянулся на толпу, словно приглашая её рассудить спор.

— Посмотрите. Стены ровные. Окна целы. Даже свет есть. Чего ей ещё?

— Правды в ведомости труда.

Сена бросила тетрадь ему под ноги. Она упала раскрытой на странице с двадцатью четырьмя сменами.

Старшина едва заметно запнулся.

— Люди отработают после вселения.

— Здесь записано, что уже отработали, — сказала Аделя.

— Какая разница? Вырастить сейчас или через неделю?

За её спиной в доме открылась дверь. Изнутри пахнуло печёными яблоками.

Толпа качнулась к арке.

Аделя не обернулась. Настоящий дом пах известью, сырой древесиной, потом строителей. Иногда дымом, если печник ошибся. Он не мог пахнуть яблоками прежде, чем кто-нибудь разжёт печь.

— Большая, — ответила она. — Сад принял несуществующий труд.

— Примет настоящий потом.

— Растение не выдаёт долг. Оно либо связывает цену в момент роста, либо находит её само.

Лицо Рета побледнело.

Сена заметила это тоже.

— Откуда смены? — спросила она.

— Я сказал: отработают.

— Кто внёс их в тетрадь?

— Я отвечаю за район.

— За людей отвечают сами люди, — сказала Сена. — Ты отвечаешь за печати.

В толпе заговорили сразу. Аделя слышала обрывки: «нам велели подписать», «сказали, иначе не включат», «мой лист переписали», «я не отказывалась от лавки». Сорок семь одинаковых утрат рассыпались на десятки несовпадающих го-

ЛОСОВ.

Дом отозвался.

Где-то в глубине двора хлопнуло окно. Потом второе. По фасаду пробежала светлая рябь, и каждое окно стало одинаковым — одной высоты, одной ширины, с одной и той же занавеской за стеклом.

На пороге появилась женщина.

Аделя узнала Мейлу по согнутой спине и синему платку. Старуха стояла в толпе у самой арки, цепляясь рукой за локоть соседки. Но другая Мейла — прямая, молодая, с тёмной косой — уже была внутри. Она улыбнулась через стекло и подняла ладонь.

Настоящая Мейла издала тонкий звук.

— Это я, — сказала она.

— Нет, — ответила Аделя.

— Такой я была, когда открыла свою пекарню.

Молодая женщина за окном поставила на подоконник противень с круглыми булками. Запах печёных яблок усилился.

— Моя печь, — прошептала старуха. — Я думала, её разбило.

Она шагнула к двери.

Аделя поймала её за плечи. Мейла оказалась неожиданно сильной и рванулась вперёд.

— Пусти! Там всё цело!

— Там решение, от которого ты отказалась.

— Я не отказывалась! Мне сказали написать про старый дом!

— Поэтому оно не знает границы.

Мейла ударила Аделю по рукам. Та не отпустила. За окном молодая хозяйка пекарни перестала улыбаться. Её ладонь всё ещё касалась стекла, но пальцы медленно удлинялись, делались белыми и тонкими, как корни.

Стекло треснуло.

Сена одним движением подняла Мейлу и передала двум женщинам позади.

— Уводите всех в верхние сараи, — приказала она артели.

— Детей первыми. Никому не входить в дом, что бы он ни показывал.

— Там наши квартиры! — крикнул Рет.

— Там приманка.

— На каком основании ты распоряжаешься?

Сена выдернула из волос красный шнур и завязала его на арке. Знак остановленной стройки резко выделился на белом камне.

— На основании ремесленного права. До проверки грунта объект закрыт.

— Он уже построен!

— Значит, закрыть было пора раньше.

Люди отступали неохотно. Дом зажигал новые окна. В каждом показывалось что-то потерянное: комната с полками для книг, ткацкая мастерская, детская с двумя кроватями,

хотя один из детей не пережил Падения. Видения были точны в мелочах и лживы в главном. Они предлагали не жильё, а отмену прожитых лет.

Аделя стояла посреди потока людей и чувствовала, как дом перебирает их отказы. Под землёй корни тянулись от одного листа к другому. Они нашли поддельные смены, пустые формулировки, усталое согласие — и решили, что вся котловина принадлежит им.

— Можно выжечь сердцевину, — сказала Сена, вернувшись к ней. — Пока ствол молодой.

— Под домом водоносная жила. Огонь уйдёт по пару во времянки.

— Тогда обрушить.

— Там уже связанные образы жителей. Не знаю, что случится с людьми, если разрушить их сразу.

— Ты не знаешь, что случится, если оставить.

— Знаю одно: до рассвета никто не войдёт.

Сена вгляделась в её лицо.

— А после?

Аделя посмотрела вверх. Дом закончил расти на шестом этаже — ровно вровень со Спиной. Между старой стеной и новым фасадом оставался проход шириной в ладонь. Там шевелились белые корни.

Она вспомнила равное тепло земли. Готовый двор в семени. Уверенность, с которой сказала: если цена неверна, оно не взойдёт.

Ей хотелось найти одну ошибку Рета и возложить на неё всё. Поддельные смены. Переписанные листы. Спешка. Но старшина не выбирал семя, не проверял почву и не отдавал приказ гасить фонари. Он всего лишь принёс удобную ложь туда, где Аделя слишком нуждалась в удобном результате.

— После я выясню, чем он питается, — сказала она. — И остановлю.

— Даже если придётся оставить людей во времянках?

— Даже тогда.

— Даже если Коллегия снимет тебя?

— Особенно тогда. Снятая садовница хотя бы не сможет посадить второй такой дом.

Сена коротко кивнула. Не простила — приняла ответ к работе.

Они расставили караулы у трёх входов. Олла велела принести железные чаши и насыпала в них соль с золой: не защита, а способ увидеть, куда пойдёт ночная влага. Аделя обошла фасад, отмечая мелом каждую трещину, каждое изменение цвета, каждый звук за стенами. Изнутри доносились шаги. Иногда детский смех. Один раз — музыка, которую она слышала много лет назад в мастерской на восточной набережной.

Она не остановилась.

Перед рассветом к ней подошла Сена с двумя кружками горького настоя.

— Западная стена времянок просела, — сказала она.

— Насколько?

— На палец. Сразу вся.

Аделя взяла кружку, но пить не стала.

— Водоносная жила?

— Суха. Колодец опустился на две ступени.

Они одновременно посмотрели на новый дом. На его фасаде блестела роса. В желобах журчала вода, хотя дождь закончился днём.

Сена тихо выругалась.

Аделя опустилась возле крайней железной чаши. Соль в ней почернела. По золе тянулась тонкая борозда — от времянок к арке.

— Он забирает не воду, — сказала Олла из темноты. Старая садовница сидела у жаровни, не сомкнув глаз. — Вода только идёт следом.

— Что тогда?

— Устойчивость.

Слово было старым, почти забытым. Так первые садовники называли способность обжитого места продолжать быть собой: держать стену, помнить дверь, принимать человеческий вес. Обычно устойчивость накапливалась годами. Её нельзя было перенести лопатой или измерить отвесом.

Но новый дом переносил.

Внизу, у времянок, с хрустом перекосилась крыша. Карaulьные закричали. Люди высыпали наружу, кто в сапогах, кто босиком. Сена побежала туда, на ходу затягивая фартук.

Аделя осталась на коленях перед чашей.

Белый корешок показался из-под арки, коснулся красного шнура и обвился вокруг него.

К утру дом выглядел так, будто простоял в Лерре сто лет и пережил всё без единой потери.

Рядом с ним времянки старели на глазах.

Доски серели. Железо покрывалось ржавчиной. Глиняная обмазка осыпалась с печей. Даже Спина, девять лет державшая ветер, издала протяжный каменный стон.

Аделя поднялась и впервые увидела не спасение, выросшее неправильно, а хищника, который принял форму спасения.

Он был прекрасен.

В этом заключалась самая опасная его ложь.

Она достала из кармана медную табличку старшей садовницы и провела острым краем по ладони. Кровь выступила тонкой линией. Аделя прижала руку к белому камню арки.

Дом немедленно открыл перед ней дверь.

За порогом ждал светлый двор с четырьмя липами. На дальней галерее стоял мужчина в тёмном сюртуке, положив ладонь на перила. Лица не было видно, но Аделя узнала привычный наклон головы, линию плеч и золотой циркуль у пояса.

Кайр Велен выглядел таким, каким она помнила его до Падения.

Таким он больше не мог быть.

— Нет, — сказала Аделя дому.

Дверь начала закрываться.

Она выдернула руку, оставив на камне кровавый отпечаток, и вставила в щель садовый нож.

— Я не войду. Но и ты дальше не пойдёшь.

Лезвие задрожало под давлением створки. Из глубины двора донёсся шелест тысяч бумажных листов.

Аделя позвала Оллу и потребовала все карты подземных борозд.

До мороза оставалось двадцать дней.

До первого порога роста — гораздо меньше.

Глава 2. Корни под чужим порогом

Первую времянку дом съел к полудню.

Он не тронул ни одной доски. Крыша осталась на месте, дверь висела на обеих петлях, в печи лежали тёплые угли. Но когда хозяин попытался войти, порог раскрошился у него под ногой. Следом осел пол, стены сложились внутрь, и через несколько мгновений от жилища осталась аккуратная куча старого дерева — будто её разобрали много лет назад и забыли вывезти.

Никто не пострадал. Аделя повторила это про себя трижды, не позволив облегчению стать оправданием.

— Линия пошла дальше, — сказала Сена.

Она стояла в яме по пояс, держа в руках белый корень. Тот был тоньше мизинца и казался нежным, но две пилы уже лишились зубьев, пытаясь его перерезать. Корень проходил под разрушенным порогом и уходил к следующему ряду времянок.

Аделя прыгнула в яму. На дне хлопала вода, хотя колодец рядом почти высох. Она вынула из кармана щепотку угольной пыли и растёрла по белой поверхности. На корне проступили крохотные знаки.

— Буквы? — спросила Сена.

— Числа.

— Какого рода?

Аделя наклонилась ниже. Ряды цифр были ей знакомы: ширина простенка, угол ската, допустимая нагрузка на лестницу. Расчёты повторялись, уходя под землю.

— Дом измеряет то, что забирает.

— Тогда пусть измерит вот это.

Сена подняла молот, но Аделя перехватила её запястье.

— Удар пойдёт по всей связке.

— Ты уже говорила.

— И пока это остаётся правдой.

— А это? — Сена кивнула на грудку досок. — Пока мы выясняем, как не причинить вреда корню, люди теряют жильё.

Аделя отпустила её руку.

Упрёк был заслуженным, но бесполезным. В котловине работали все, кто умел держать лопату. Одни переносили имущество в верхние сараи, другие укрепляли проходы, третьи вынимали грунт над замеченными корнями. Олла расставляла железные чаши и отмечала почерневшую соль флажками. К полудню белые метки окружили новый дом сетью, похожей на морозный узор.

Все линии вели к чужим порогам.

Не к стенам, не к печам и не к несущим столбам. Дом входил в каждое жилище там, где хозяин ежедневно решал: войти или остаться снаружи.

— Освободите второй ряд, — приказала Аделя, выбравшись из ямы. — Всё ценное вынести. Печи погасить. Двери снять с петель.

— Зачем двери? — спросил артельщик.

— Проверим, нужен ли ему настоящий порог или само решение входить.

Сена вытерла грязные ладони о фартук.

— Люди и так решили не входить. Мы их вывели.

— Они думают о возвращении. Для дома этого достаточно.

Они прошли между времянками. За ночь улица постарела на десятилетия: доски выгнулись, верёвки провисли, глиняные печи пошли трещинами. Зато фасад нового дома сиял свежей штукатуркой. На балконах распустились красные цветы. В окнах двигались версии жизней, которых здесь не случилось.

Аделя старалась не смотреть.

Дом менял приманки. Он понял, что одним нужно утраченное прошлое, и теперь учился предлагать несостоявшееся будущее. В одном окне девушка в синем платье открывала швейную лавку. В другом старик ужинал с сыном, который много лет назад ушёл на юг. Двое мальчиков увидели себя взрослыми речными лоцманами и долго не соглашались отойти, пока Сена не заслонила стекло собственным фартуком.

Лишь одно окно оставалось пустым. То самое, за которым ночью появился Кайр.

Аделя чувствовала его даже спиной.

— Старшая садовница!

К ней бежала Тина, девочка из семьи гончаров. Один сапог она потеряла, второй был расшнурован. За ней спешил отец, размахивая снятой дверью.

— Там Неро, — выговорила Тина. — Он спрятался.

— Где?

Девочка указала на времянку в третьем ряду. Крыша над ней уже просела.

— Я велела ему сидеть у сараев, а он вернулся за лодкой.

— Какой лодкой?

— Деревянной. Мама вырезала.

Сена была рядом прежде, чем Аделя успела позвать. Они вдвоём бросились через улицу. Под землёй хрустело: корни росли быстрее, почуяв возвращение человека к порогу.

— Неро! — крикнула Сена. — Отойди от двери!

Изнутри донёсся плач.

Дверь заклинило. Сена всадила крюк между косяком и стеной, навалилась всем телом. Аделя увидела белую нить, выползающую из земли к пятке сестры, и прижала её сапогом. Нить дёрнулась. По ноге прошёл холод, а перед глазами возникла мастерская.

Не та, которую дом показывал Мейле. Их с Сеной старая мастерская на улице Красных Труб. Отец строгал каменную форму, мать чертила мелом клумбу, обе девочки спорили, кому достанется единственный резец с деревянной ручкой. Все четверо были живы. За окнами не было Падения.

Аделя на миг забыла, зачем держит корень.

Белая нить скользнула вокруг её лодыжки.

— Сюда смотри! — крикнула Сена.

Она ударила Аделю ладонью по щеке.

Видение лопнуло. Аделя выдернула ногу и всадила нож в землю перед корнем, меняя его путь. Нить обвилась вокруг металла. Лезвие побелело и покрылось цифрами.

Сена выломала косяк. Из тёмного проёма выполз мальчик лет пяти, прижимая к груди лодку без мачты. Сестра схватила его и отпрыгнула. Времянка осела прежде, чем они добрались до середины улицы.

На месте порога осталась прямоугольная яма.

— Мама сказала, лодка наша, — всхлипывал Неро. — Дом не должен был её брать.

— И не взял, — сказала Сена, поставив его на землю.

Аделя смотрела на собственный нож. Белый корень уже втянулся, но на лезвии сохранилось одно число: двадцать семь.

— Сколько лет было нашей мастерской? — спросила она.

Сена нахмурилась.

— Когда её разрушило? Двадцать семь.

Дом не просто крал устойчивость. Он предлагал взамен точный возраст того, что забирал.

К сараям они вернулись вместе с Неро. Тина накинулась на брата, сначала обняла, потом стукнула кулаком по плечу. Их отец долго благодарил Сену, а на Аделю старался не смотреть.

Люди редко отделяли садовницу от её сада. Она и сама не всегда умела.

Старшину Рета нашли у верхнего склада. Двое артельщиков удерживали его возле телеги с мешками муки.

— Он хотел уехать, — сказала Мейла.

— Я хотел привезти помощь, — возразил Рет. — Коллегия должна узнать.

— Коллегия узнает, — сказала Аделя. — После того как ты расскажешь, откуда взялись смены.

— Я уже сказал.

— Нет. Ты назвал будущую работу прошлой. Но семья приняло её как совершённую. Значит, ты чем-то подкрепил запись.

Рет отвёл глаза.

Сена взяла его за ворот, но Аделя остановила сестру жестом.

— Если мы не поймём цену, рухнут остальные временки. Потом Спина. Когда ветер войдёт в котловину, верхние сараи тоже не выдержат. Там сейчас все дети района.

— Я хотел дать им дома.

— Чем ты заплатил?

Старшина обмяк.

— Табличками.

— Какими?

— Учётными. Со сгоревших мастерских.

Олла, стоявшая чуть поодаль, закрыла глаза.

— Где взял?

— В архивной яме. Там были тысячи. Имена почти стёрлись. Я выбрал двадцать четыре и вписал часы.

— Таблички умерших? — спросила Мейла.

— Мастерских! Не людей. Работы, которую всё равно уже нет.

— Работа была, — сказала Олла. — Поэтому сад и пове-
рил.

Аделя поняла прежде, чем старуха договорила. Учётная табличка сохраняла не только число смен. Она была обломком решения: человек когда-то решил отдать день конкретному ремеслу. Семя получило труд, совершённый при жизни старого города, и утраты нынешних жителей. Части цены принадлежали разным людям и разному времени.

Ничто не связывало их, кроме желания Рета получить результат.

— Где остальные таблички? — спросила она.

— В основании. Под макетом.

— Ты закопал их в посадочную чашу?

— Пока вы спорили. Я боялся, что каменщица остановит работу.

Сена двинулась к нему. Аделя снова преградила дорогу, на этот раз собой.

— Отойди.

— Он ответит совету района.

— Сначала ответит земле. Покажет точное место.

Рет дрожал. Не от раскаяния — от взгляда Сены.

Они повели его к дому. Люди двинулись следом, но Аделя разрешила подойти только по одному представителю от каждого ряда. Решения нельзя было снова спрятать за старшиной.

Красный шнур на арке исчез под корнями. Дверь оставалась приоткрытой, садовый нож Адели лежал в щели, теперь совершенно белый. Во дворе четыре липы сбрасывали золотые листья, хотя ещё недавно цвели.

— Здесь, — сказал Рет и указал на середину бывшего посадочного круга. Она находилась уже за стеной, под полом галереи. — Примерно на два локтя вглубь.

— Примерно?

— Было темно.

Аделя повернулась к представителям семей.

— Чтобы достать таблички, придётся войти.

По людям прошёл ропот.

— Ты запретила, — сказал гончар.

— Запрет остаётся. Я войду как садовница, связанная с семенем. Остальные останутся снаружи.

— Удобно, — бросила Мейла. — Сначала ты вырастила это без нас, теперь одна будешь исправлять.

Аделя выдержала её взгляд.

— Что ты предлагаешь?

Старуха явно не ожидала вопроса.

— Я предлагаю не делать вид, будто мы здесь дети.

— Тогда решайте как взрослые. Мы можем войти небольшой группой и попытаться вынуть таблички. Дом будет показывать каждому непрожитую жизнь и, возможно, удержит. Можем не входить, вывести район и отсечь котловину до первого порога. Тогда потеряем все временки и, вероятно, Спину. Третьего способа я пока не знаю.

— А уничтожить дом?

— Риск для людей, чьи образы он уже связал. Я не стану лгать, что понимаю его полностью.

Мейла потёрла ладони, оглянулась на остальных.

— Кто пойдёт с тобой?

— Каменщик, чтобы открыть пол. Человек, знающий имена на табличках, если такие ещё живы. И тот, кто будет держать связь снаружи.

— Я каменщик, — сказала Сена.

— Ты глава артели и нужна здесь.

— Именно поэтому я иду.

Олла фыркнула.

— Связь буду держать я. Моим коленям всё равно, снаружи сидеть или внутри.

— Внутри ты не пойдёшь, — одновременно сказали сёстры.

Олла впервые за утро улыбнулась.

— Значит, умеете принимать хотя бы одно общее решение.

Имена на табличках знала архивистка Иара, жившая в се-

верной времянке. Ей было около шестидесяти; до Падения она распределяла заказы между ремесленными дворами. Иара согласилась сразу, но потребовала десять минут, чтобы переписать сохранившиеся обозначения из памяти.

Пока ждали, Аделя вернулась к картам.

На старом плане котловины было отмечено двадцать три порога. Теперь их было сорок семь. Она нанесла все найденные корни зелёной тушью и рядом поставила возраст каждого разрушенного жилища. Семь. Четыре. Девять. Два. Дом выбирал не самые старые и не самые слабые строения.

— Что у них общего? — спросила Сена.

Аделя перечитала имена владельцев. Первая времянка принадлежала семье, мечтавшей вернуться за реку. Во второй жил одинокий мужчина, подавший просьбу о месте в новом доме. В третьей — семья Неро, которая собиралась разобрать жильё весной и открыть гончарный двор.

— Они уже решили уйти, — сказала она.

— Не все.

— Но все представили жизнь за другим порогом. Дом берёт устойчивость там, где нынешнее жильё перестало быть единственным будущим.

— Любой человек представляет другой дом.

— Поэтому корни под всеми порогами.

Сена выругалась вполголоса.

Аделя дорисовала последнюю линию. Корневая сеть охватывала котловину, но на западе изгибалась, обходя одно

строение.

— Чья это времянка?

— Моя мастерская, — ответила Сена.

— Почему её не тронуло?

— Потому что я не собираюсь переезжать в ваш прекрасный дом.

— Никогда?

— Сейчас — нет. Этого достаточно.

Аделя посмотрела на пустое место между корнями. Ответ оказался простым и почти бесполезным: дом не мог украсть решение, которое человек ещё не превратил в обещание самому себе. Уверенное «сейчас» защищало лучше, чем торжественное «никогда».

Она подозвала представителей семей.

— Перед входом нужно сделать ещё одно. Каждый хозяин должен решить только на сегодняшний день: возвращается ли он в свою времянку до рассвета.

— Они разваливаются, — сказал гончар.

— Поэтому решение должно быть правдивым. Не обещайте навсегда. Не выбирайте новый дом. Скажите только, будете ли сегодня жить под прежней крышей.

Люди переглядывались. Первой ответила Мейла:

— Моя печь треснула. Сегодня не вернусь.

Корень под её порогом показался из земли — и остановился.

Не исчез, не засох. Просто перестал тянуться.

Следом заговорили другие. Кто-то выбирал верхний сарай. Кто-то — палатку у артели. Три семьи решили вернуться после укрепления стен. Их корни продолжили двигаться, но медленнее, словно дом больше не мог питаться сомнением и вынужден был ждать поступка.

— Он слышит не слова, — сказала Сена.

— Он чувствует совпадение слов с ближайшим действием.

— Значит, наши листы утрат были для него пустыми.

Аделя кивнула.

Это признание далось легче, чем ночью. Наверное, потому, что теперь оно помогало работе.

Иара пришла с листом имён и верёвкой, завязанной вокруг пояса. Второй конец взяла Олла.

— Верёвка не удержит дом, — сказала Аделя.

— Зато удержит вас, если забудете дорогу назад.

Они обвязались все трое. Сена взяла лом и молот. Иара спрятала список за пазуху. Аделя подняла побелевший нож из дверной щели.

Дом распахнул створки.

Двор оказался больше, чем мог вместить фасад. Галереи уходили вдаль, повторяясь одна за другой. Четыре липы стояли посередине, и с каждой падали листья разного времени года: зелёные, золотые, бурые, покрытые инеем.

— Не смотрите в окна, — сказала Аделя.

— Поздно, — ответила Иара.

В первом же окне молодая архивистка сидела за огромным столом. Перед ней лежали целые книги учёта, не тронутые огнём. Иара замедлила шаг.

Сена дёрнула верёвку.

— Чего ты лишилась? — спросила она.

— Имен, — прошептала Иара.

— Их там нет. Там только дом угадывает, что ты хочешь увидеть.

Они дошли до середины галереи. Аделя отсчитала шаги от арки, сверилась с планом и указала на плиту пола. Сена простучала камень.

— Пустота есть. Шва нет.

— Он вырос целым.

— Всё можно разобрать. Вопрос — сколько после этого останется.

Сена поставила лом. Первый удар прокатился по двору эхом. В окнах разом появились люди. Десятки лиц повернулись к ним.

Второй удар дал трещину.

После третьего дом заговорил голосом Кайра:

— Ты опять режешь раньше, чем измерила.

Аделя стиснула рукоять ножа.

— Не отвечай, — сказала Сена.

— Я и не собиралась.

— Собиралась. У тебя плечо поднялось.

С четвёртого удара плита раскололась. Из щели вырвался

белый пар, пахнувший пылью старой мастерской. Иара опустилась на колени и стала доставать медные таблички. Они слиплись в плотный ком, пронизанный корнями.

— Читай имена, — велела Аделя.

— Здесь не имена. Только номера дворов.

— Ты их помнишь?

Иара провела пальцем по первой метке.

— Двор двенадцать. Канатчики. Старшая — Вела Тарн.

Корень вокруг таблички дрогнул.

— Что с ней стало?

— Погибла у южных ворот.

— А работа?

— Канаты держали мост ещё три года.

Корень ослаб.

Иара поняла. Она брала табличку за табличкой, называла двор, мастера и судьбу сделанного ими труда. Не присваивала его нынешнему району и не отменяла. Возвращала цену тем, кто её действительно заплатил.

Дом затрясся.

В окнах люди начали стучать по стеклу. Мейла звала из пекарни. Мать Неро протягивала мальчику лодку. Отец Адели стоял у верстака и держал резец с деревянной ручкой.

— Двадцать три, — считала Иара. — Двор стекольщиков. Старший мастер Оден Ли. Стёкла пошли на речную лечебницу. Оден ушёл на север.

Последний корень лопнул.

Ком табличек рассыпался. Сена сгребла их в фартук.

Пол под ногами накренился.

— Назад! — крикнула Аделя.

Они побежали к арке. Галерея вытягивалась, превращая десяток шагов в сотню. Верёвка за спиной натянулась. Олла держала путь снаружи.

Кайр появился у двери.

Теперь Аделя увидела лицо. Не молодое, каким оно было до Падения, а нынешнее: резкие складки у рта, седина у висков, тонкий шрам через бровь. Дом не мог знать этих деталей.

— Стой, — сказал он.

Она остановилась.

— Аделя! — Сена рванула верёвку.

— Откуда ты знаешь, как он выглядит сейчас? — спросила Аделя у дома.

Кайр поднял золотой циркуль.

— Потому что план уже вернулся в Лерру.

Пол раскрылся между ними. Сена сбила Аделю с ног, и обе перекатились через порог. Иара вывалилась следом, прижимая к груди таблички. Олла обрезала верёвку в ту секунду, когда белые корни хлынули из двери.

Створки захлопнулись.

На площади стало тихо.

Аделя поднялась. Корни под ближайшими порогами сели и рассыпались, освобождённые от чужого труда. Люди

закричали от радости, но Олла подняла руку.

— Смотрите на Спину.

По старой стене прошла трещина сверху вниз.

Дом лишился поддельной платы и теперь искал новую.

На дороге над котловиной показалась чёрная карета. На её дверце блестел знак Коллегии — золотой циркуль, охватывающий мост.

Аделя ещё не различала пассажира. Но уже знала, кто привёз в Лерру возвращённый план.

Глава 3. Архитектор возвращённого плана

Карета остановилась там, где дорога осела после Падения.

Дальше колёса не проходили: между верхней террасой и котловиной лежал переломанный мост, наспех сшитый досками. Человек в сером дорожном плаще вышел сам, снял с крыши плоский футляр и понёс его через настил, не дожидаясь слуги.

Кайр Велен всегда доверял собственным рукам больше, чем чужой осторожности.

Семь лет не изменили его походку. Он по-прежнему ставил ногу так, словно заранее знал, какой камень выдержит. Только теперь на каждом третьем шаге едва заметно берёт левое колено. Ветер прижимал плащ к худому телу. На виске серебрилась прядь, которой прежде не было.

Дом показал его точно.

От этого Аделе было страшнее, чем от трещины в Спине.
— Не встречай его одна, — сказала Сена.

Сестра стояла рядом с фартуком, полным медных табличек. Белая пыль ещё покрывала её брови. За их спинами люди собирали уцелевшие вещи, но то и дело оглядывались на гостя.

— Я и не одна.

— Я говорю не о числе людей.

Аделя поняла. Семь лет назад рядом с Кайром она переставала замечать, сколько решений уже отдала ему просто потому, что он умел превращать сомнение в ясную линию.

— Останься, — попросила она.

Сена кивнула, будто другого ответа не ожидала.

Кайр ступил с моста на землю котловины. Увидел дом — и замер. Не от восхищения. Его взгляд прошёл от арки к карнизам, пересчитал окна, остановился на четырёх липах во дворе. Затем он заметил трещину в Спине.

— Сколько времени? — спросил вместо приветствия.

— До мороза двадцать дней. До обвала стены — не знаю.

— Я спрашивал, сколько времени дом растёт.

— Вторые сутки.

Кайр поставил футляр на сухой камень.

— Кто посадил?

— Я.

— Кто дал плату?

— Поддельные смены внёс Рет. Он же закопал таблички погибших мастерских. Утраты собрали формально. Решение о посадке приняла я.

Он посмотрел на неё только после последней фразы. В серых глазах не было ни торжества правого, ни прежней теплоты.

— Значит, ответственность разделена не поровну.

— Я не просила её делить.

— Я устанавливаю устройство аварии.

— Тогда начни с того, почему дом знает твоё нынешнее лицо.

Кайр не спросил, откуда ей известно. Его рука легла на застёжку футляра и тут же отдёрнулась.

Сена заметила движение.

— Что ты привёз?

— Средство измерить угрозу.

— Это не ответ.

— Довоенный общий план Лерры.

Вокруг стало тише. Даже те, кто не слышал слов, почувствовали их вес. Общий план считался утраченным в ночь Падения вместе с западным хранилищем Коллегии. По нему должны были перестроить город за двенадцать лет: выпрямить улицы, расселить тесные дворы, провести воду на верхние террасы. Потом земля разошлась, половина Лерры сползла к реке, и выжившие строили там, где могли удержать стену руками.

Аделя когда-то выращивала пробные кварталы по этому плану.

Кайр его чертил.

— Он сгорел, — сказала она.

— Бумага сгорела.

— А что осталось?

— Матрица масштаба.

Олла тихо сплюнула в пыль.

— Циркуль, — догадалась она.

Кайр расстегнул плащ. На поясе висел золотой инструмент длиной с предплечье. Одна ножка заканчивалась иглой, вторая — плоским каменным грифелем. На шарнире темнело пятно, похожее на след ожога.

Аделя видела этот циркуль сотни раз, но раньше он был простым рабочим прибором. Теперь металл светился изнутри, как корень дома.

— После Падения его нашли под хранилищем, — сказал Кайр. — Семь лет он не раскрывался. Три недели назад ножки разошлись сами и указали на Лерру.

— Почему Коллегия прислала тебя только сейчас?

— Она не присылала. Она запретила мне вывозить матрицу.

Сена коротко рассмеялась.

— Уже лучше. Архитектор приехал с украденным планом спасти дом, выросший из краденого труда.

— План не украден. Я его составитель и хранитель.

— Хранитель — это тот, кто может вынести вещь вопреки тем, кому она принадлежит?

Кайр повернулся к ней.

— Сена Рун.

— Не думала, что помнишь.

— Помню заключение каменной артели. Ты первой назвала западный каскад нежизнеспособным.

— А ты первым подписал его строительство.

Аделя встала между ними прежде, чем старый спор успел подменить нынешнюю беду.

— Дом связан с матрицей?

— Возможно.

— Он показал тебя с этим циркулем и сказал, что план вернулся в Лерру. Это было до твоего приезда.

Кайр снова посмотрел на идеальный фасад. В одном из окон появилась светлая чертёжная мастерская. За столом сидели двое — он и Аделя, моложе на семь лет. Между ними лежал целый город.

Он отвернулся первым.

— Мне нужны посадочная ведомость, состав платы и карта корней.

— А мне нужен прямой ответ.

— Прямой ответ требует измерения.

— Нет. Прямой ответ требует сказать, что ты уже предполагаешь.

Его лицо стало жёстче. Когда-то именно это выражение заставляло младших мастеров соглашаться, лишь бы не выглядеть глупцами. Аделя почувствовала знакомое желание заранее защитить его метод — и не стала.

— Матрица не хранит линии, — наконец сказал Кайр. — Она хранит отклонённые варианты. Каждый раз, когда совет требовал перенести улицу, убрать площадь или изменить высоту, циркуль запоминал отвергнутую возможность. Иначе общий план нельзя было бы пересчитать.

Олла подошла ближе.

— Сколько в нём таких возможностей?

— За четырнадцать лет работы — около девяти тысяч.

Дом распахнул сразу несколько окон. В каждом лежала другая улица.

По толпе прошёл шёпот.

— Он чувствует циркуль, — сказала Аделя.

— Или циркуль чувствует его.

— Разница?

— В том, кто служит корнем.

Кайр открыл футляр. Внутри лежали тонкие дощечки, пузырьковые уровни, мотки серебряной нити и складной планшет. Ни одного оружия, ни одной печати Коллегии. Он протянул Аделе катушку.

— Если хочешь ответ, поставим контур.

— Вокруг дома?

— Вокруг матрицы. Дом уже показал, что умеет менять внутреннее расстояние. Обычной мерой его не взять.

Сена забрала катушку прежде Адели.

— Я держу внешний конец.

Кайр не спорил.

Они выбрали ровную площадку между домом и Спиной. Аделя вбила четыре садовых щупа по сторонам света. Сена натянула между ними серебряную нить. Кайр поставил циркуль в середину, но не раскрыл.

— Нужен обломок решения, — сказала Аделя. — Иначе

сад не ответит.

Он вынул из футляра треугольный кусок полупрозрачного камня.

Аделя узнала его. Оконное стекло из их первой общей мастерской. В нижнем углу сохранилась царапина: две пересекающиеся дуги, знак квартала, который они собирались построить у реки.

— Ты носил это семь лет?

— Оно входило в опись проекта.

Ложь была не в словах, а в выбранной точности. Кайр действительно заносил каждую вещь в опись. Но никто не носил с собой осколок закрытого проекта из одного лишь уважения к ведомости.

Аделя не стала помогать ему назвать другую причину.

— Обломок есть, — сказала она. — Чей труд?

— Мой.

— Добровольно и сейчас, а не семь лет назад.

Кайр снял перчатки. На ладонях были тонкие свежие порезы от металлических краёв. Значит, он всю дорогу перебирал или удерживал раскрывшийся циркуль.

— Я отдаю час работы на установление связи между матрицей и домом.

— Не результат, — предупредила Аделя. — Только час. Даже если ничего не выясним.

— Согласен.

— Утрата?

Он молчал слишком долго.

Серебряная нить дрожала, хотя ветер стих.

— Я отказываюсь от возможности вернуть общий план неизменным, — сказал он.

Циркуль остался тёмным.

— Красивые слова, — произнесла Олла. — Земля их не съела.

Кайр сжал губы.

— Матрица нужна, чтобы восстановить город.

— Вот это правда, — сказала Аделя. — А от чего ты действительно готов отказаться сейчас?

Он посмотрел на осколок стекла. В доме напротив молодая Аделя подняла голову от чертежа, будто ждала ответа вместе с ними.

— От права закончить тот квартал так, как мы задумали.

На этот раз золотой шарнир вспыхнул.

Осколок стекла покрылся инеем. По серебряной нити побежали зелёные искры. Аделя опустила ладонь на землю и почувствовала под ней две системы корней.

Первая принадлежала дому. Белые тяжи расползались к порогам, Спине и старым фундаментам. Они искали частные решения, из которых можно было вытянуть устойчивость.

Вторая была тоньше и огромнее. Она начиналась у циркуля, проходила под всей котловиной, под верхними террасами, под речными лестницами и уходила к каждому месту, где общий план когда-либо обещал улицу, площадь или дом.

Не корни — сетка невыросшего города.

Белый тяж дома коснулся золотой линии.

Все окна распахнулись.

Звук пришёл не из дома, а из земли: тысячи листов одновременно развернули на каменном столе. Воздух над площадкой стал прозрачным. Сквозь людей, времянки и разрушенную Спину проступили широкие проспекты. Идеальные фасады встали по ранжиру. Вода потекла по целым каналам. На месте мастерской Сены появился тихий двор с одинаковыми дверями.

Жители замерли внутри призрачного города.

— Не двигаться! — крикнула Аделя.

Поздно. Старшина Рет шагнул к светлой лестнице, которой не существовало. Его нога провалилась в трещину. Сена схватила его за ворот и оттащила.

Кайр раскрыл циркуль ещё на палец.

Призрачные улицы стали плотнее.

— Закрой его, — сказала Аделя.

— Подожди. Я вижу направление питания.

— Люди не видят землю под ногами.

— Ещё десять ударов сердца.

Трещина в Спине издала низкий стон. По её краю побегала белая полоса, направляясь к золотой сетке. Дом нашёл не одну отвергнутую жизнь, а тысячи отвергнутых улиц.

— Кайр, закрой.

— Семь.

Аделя выдернула восточный щуп.

Серебряный контур разорвался. Золотые линии погасли, призрачный город рассыпался солнечной пылью. Циркуль захлопнулся на пальцах Кайра. Он резко вдохнул, но не выпустил инструмент.

Из дома донёсся удар.

На гладком фасаде вырос новый балкон — точное повторение балкона из общего плана.

Кайр посмотрел на Аделю.

— Я почти измерил поток.

— А дом почти получил весь город.

— Контур был управляемым.

— До того момента, когда перестал.

— Ты не знаешь, перестал ли он.

— Спина знает.

Словно отвечая ей, из трещины выпал камень. Он ударился о землю рядом с Оллой и раскололся. Внутри белела тонкая жила.

Сена подняла половину камня.

— Теперь знаем.

Кайр опустился на корточки и осмотрел жилу, не касаясь её.

— Дом включил общий план в состав возможного будущего. Но связь возникла до нашего контура. Иначе он не смог бы показать матрицу.

— Когда циркуль раскрылся три недели назад? — спро-

сила Аделя.

— На рассвете шестого числа.

Олла повернулась к Рету.

— Когда ты достал макет из склада?

Старшина побледнел.

— В тот же день. После полудня.

— Значит, сначала проснулась матрица, — сказала Сена.

— Потом он нашёл семя.

— Или семя позвало его, — возразил Кайр.

Рет затряс головой.

— Я сам решил. Никто меня не звал.

— Где именно лежал макет? — спросила Аделя.

— В нижнем ящике. Под сломанными формами.

— Почему ты открыл этот ящик?

— Искал скобы.

— А почему выбрал макет?

Рет посмотрел на дом. В ближайшем окне он стоял на балконе в хорошем сюртуке, а жители котловины приветствовали его снизу.

— Он был целый, — прошептал старшина. — Всё остальное там было разбито.

Дом не приказывал. Он предлагал человеку решение, которое тот охотно принимал за своё.

Аделя подняла осколок стекла из погасшего контура. На нём появилась новая царапина: прямоугольник с шестью рядами окон.

— Макет был частью общего плана?

Кайр взял стекло за край.

— Да. Западный жилой образец, третий пересмотр.

— Ты сказал, он безымянный.

— На нём нет маркировки. Но пропорции мои.

— Твои?

— Наши, — исправил он. — Ты изменила посадочную глубину и внутренний двор.

Сена тяжело выдохнула.

— Значит, вы оба сделали семя, которое она посадила, а он принёс ключ от девяти тысяч отвергнутых вариантов.

— Семь лет назад это не было семенем, — сказал Кайр.

— Семь лет назад таблички тоже не были краденым трудом. Вещи меняются от того, что с ними делают.

Аделя провела пальцем по новой царапине. Ей хотелось спорить с Сеной: объяснить разницу между макетом и намерением, между проектированием и посадкой. Но дом уже вырос из этих различий, которыми каждый прикрывал собственную часть решения.

— Циркуль останется закрытым, — сказала она.

— Без него мы не увидим всю сеть.

— С ним дом получил ещё один элемент плана за несколько ударов сердца.

— Именно поэтому матрицу нельзя просто увезти. Связь будет тянуться за ней.

— Тогда положим её в каменный ящик и выставим стра-

жу.

Кайр покачал головой.

— Общий план рассчитан на целую Лерру. Если изолировать матрицу, накопленное напряжение пойдёт по слабейшему воплощённому участку.

Все посмотрели на дом.

— Докажи, — потребовала Сена.

— Уже доказано. Когда мы разорвали контур, новый элемент вырос здесь, а не исчез.

— Это доказывает только то, что открывать циркуль было дурной мыслью.

— И что закрыть его недостаточно.

Олла опёрлась на палку.

— Хорошо. Архитектор привёз беду, садовница вырастила ей дом, старшина накормил чужим. Теперь пусть каждый предложит действие, за которое готов платить сам.

Кайр ответил первым:

— Я останусь и составлю карту узлов связи. Без раскрытия матрицы, по уже возникшим следам. Мне нужны двое землемеров и доступ к довоенным фундаментам.

— Коллегия приедет за циркулем? — спросила Аделя.

— Да.

— Когда?

— Следующая карета может быть завтра. Отряд — через три дня.

— Ты не один сбежал. Ты привёл их следом.

— Я оставил заключение, что матрица представляет непосредственную угрозу Лерре. Если бы мне поверили, её привезли бы официально через месяц. Если не поверили — постараются вернуть быстрее.

— И потому ты решил за город, что риск сейчас лучше риска потом.

— Да.

Он не смягчил ответа. Это злило сильнее оправданий.

Аделя посмотрела на жителей котловины. Они потеряли две времянки, едва не лишились ребёнка и теперь слышали, как чужие специалисты обсуждают судьбу их земли знакомым языком необходимости.

— Карты не будет, пока район не назначит наблюдателей и не определит, куда вам разрешено входить, — сказала она.

— Сена соберёт людей.

— У нас нет времени на совет по каждой мерной нити.

— Тогда научись спрашивать быстро.

— Аделя, трещина растёт.

— Поэтому решение должно выдержать не только сегодняшний страх.

Кайр оглянулся на Спину. Потом на дом. Потом аккуратно положил циркуль в футляр и протянул его Сене.

— До решения совета.

Сестра приняла футляр обеими руками.

Это был небольшой поступок, но Аделя знала его цену. Кайр не выпускал незавершённый чертёж из рук даже во вре-

мя пожара.

— Наблюдателей выберут к вечеру, — сказала Сена. — Футляр будет в моей мастерской. Попытаешься забрать без спроса — останешься без второй застёжки.

— Почему без второй?

— Первую я сниму сейчас.

Она поддела молотком золотой замок с печатью Коллегии. Кайр поморщился, но не остановил её. Застёжка упала в пыль.

Люди впервые за день засмеялись.

Аделя не смогла. Она смотрела на новый балкон. За перилами стояли их с Кайром молодые двойники. Те двое верили, что городу можно подарить будущее, если начертить его достаточно хорошо.

Настоящий Кайр подошёл ближе, оставив между ними расстояние вытянутой руки.

— Ты правильно разорвала контур, — сказал он тихо.

— Я знаю.

— Раньше ты ждала бы моего разрешения.

— Раньше ты считал бы это достоинством.

Он не ответил.

Из дома потянуло запахом мокрых лип. Белая жила в расколоте камне Спины стала толще. Она уже не искала ближайший порог. Теперь она шла вверх, к старым улицам Лерры, по линиям города, который так и не был построен.

До сих пор паразит питался частными сомнениями котло-

ВИНЫ.

Кайр привёз ему память о целом плане.

Глава 4. Труд, которого никто не отдавал

К вечеру район выбрал троих наблюдателей и ни одного начальника.

Мейла представляла семьи из времянок, Иара — старые мастерские, а Тина, которой было шестнадцать и которая спорила громче половины взрослых, — тех, кто работал на разборе руин. Сена предложила записывать каждое решение на глиняной пластинке и разбивать её после исполнения, чтобы дом не получил нового запаса обещаний.

Кайр назвал способ расточительным.

— Значит, годится, — решила Сена. — Удобные способы нас уже подвели.

Они начали от Спины. Белая жила проходила внутри стены на высоте человеческого плеча, затем ныряла под землю и совпадала с призрачной улицей общего плана. Кайр шёл впереди с закрытым циркулем в футляре за спиной. Аделя несла щупы и чашки с золой. Наблюдатели отмечали разрешённые участки красными лентами.

— В старые фундаменты не входить, пока Иара не сверит владельцев, — напомнила Мейла.

— Я услышал с первого раза, — сказал Кайр.

— А согласился только с третьего.

Он присел у основания стены и приложил к камню обычный медный угольник. Аделя посыпала шов золой. На серой поверхности проступили цифры, такие же, как на корнях у порогов.

Но теперь это были не размеры.

— Восемь часов, — прочла Тина. — Потом ещё восемь. И ещё.

Цифры шли столбцами. У каждого ряда стоял знак мастерской, а вместо имени — короткая черта.

Иара сняла очки, протёрла их краем платка и посмотрела снова.

— Это ведомость смен.

— Рет закопал двадцать четыре таблички, — сказала Сена. — Здесь сотни.

— Не его работа, — ответил Кайр. — Эти знаки старше дома.

Иара провела пальцем по шву.

— Знак городского восстановления. Такие ведомости ввели в первую зиму после Падения.

Аделя помнила ту зиму по запаху мокрой шерсти и извести. Люди работали за место у печи, за миску крупы, за право получить доски весной. Каждый день считали дважды, потому что город обещал вернуть долг, когда снова появятся деньги.

Деньги появились. Долг — нет.

— Почему вместо имён черта? — спросила Тина.

Иара долго не отвечала.

— Потому что эти смены списали как общий вклад выживших.

— Общий — значит ничей? — уточнила девушка.

— Тогда говорили: принадлежащий всему городу.

Сена вставила зубило в шов.

— Камень можно вынуть.

— Нельзя, — сказал Кайр. — Он держит нижнюю пятаку стены.

— Я сказала «можно», а не «нужно». Это разные слова, архитектор.

Аделя опустила ладонь на кладку. Камень был холоден, но под холодом чувствовалось слабое, ровное тепло — не жизнь сада, а сохранённое усилие. Кто-то семь лет назад поднимал блоки, месил раствор, подавал воду, не зная, что его день однажды назовут ничьим.

Белая жила тянулась вдоль записей и забирала понемногу из каждой смены.

— Дом нашёл старый долг, — сказала она. — Он питается трудом, который город признал общим и потому никому не вернул.

— Труд уже совершён, — возразил Кайр. — Стена стоит благодаря ему.

— Стояла. Теперь один и тот же труд оплачивает ещё и дом.

— Так не бывает. Цена воплощается один раз.

Оллы с ними не было, и произнести возражение оказалось некому. Аделя взяла нож и осторожно соскребла известь с одной черты. Под ней обнаружились две буквы: «А» и «Р».

Иара ахнула.

— Имена замазали.

Сена сняла известь со следующей метки. Под чертой проступило «Мей».

Мейла оттолкнула её руку и сама расчистила знак.

— Мейла Дорн, — прочитала она. — Это я.

Все посмотрели на неё.

— Ты строила Спину? — спросила Тина.

— Таскала воду. Двенадцать дней. Мне было обещано место в каменном общежитии.

— Ты его получила?

Мейла кивнула на времянки внизу.

Белая жила под её именем вздулась. Дом на другом конце котловины озарился тёплым светом. На его фасаде появилось новое окно.

— Не произносите обещанное вслух, — приказала Аделя.

— Почему? — спросил Кайр.

— Дом превращает старый долг в нынешнюю возможность. Ему нужно, чтобы человек снова представил плату.

Мейла смотрела на окно. За стеклом стояла просторная кухня с двумя печами. Молодая женщина вынимала хлеб, и ни одна трещина не пересекала свод.

— Это не моё, — сказала Мейла.

Жила стала тоньше.

— Не спеши отказываться, — предупредила Аделя. — Отказ тоже решение. Сначала назови, что было твоим на самом деле.

Мейла с трудом отвела взгляд от дома.

— Двенадцать дней. Мои руки. Моя вода. Я отдала их стене, потому что дети мёрзли. Не этому дому.

Белая линия под именем потемнела и рассыпалась песком.

Тина разбила первую глиняную пластинку: действие было исполнено, наблюдатели признали безопасным раскрытие одной записи.

— Нам придётся найти всех? — спросила она.

Иара подняла фонарь к стене. Столбцы уходили за поворот и выше, под поздние слои кладки.

— Здесь не меньше тысячи смен.

— И это только Спина, — сказал Кайр.

Он развернул свою бумажную карту. Белая жила уходила к северной лестнице, старому водосбору и фундаментам трёх общественных домов. В каждом месте после Падения работали по чрезвычайной повинности.

— До мороза двадцать дней, — напомнил он. — Мы не успеем разыскать каждого работника и провести отдельное признание.

— Тогда предложи не быстрый ответ, а честный, — сказала Сена.

— Совет Лерры может подтвердить городской долг одним актом.

Мейла рассмеялась без веселья.

— Тот же совет, который его списал?

— Нынешний состав другой.

— Печать та же.

Кайр повернулся к Аделе, ожидая поддержки. Когда-то они вместе добивались именно таких решений: одна печать вместо сотни разговоров, один чертёж вместо несовместимых желаний.

— Общий акт повторит подмену, — сказала она. — Он снова назовёт чужой труд единым.

— Тогда стена рухнет раньше, чем вы закончите возвращать имена.

— Возможно.

— И тебя это устраивает?

— Нет. Но страх обвала не делает твоё решение правильным.

Трещина над ними хрустнула. Из шва посыпалась известь. Тина отступила, но не убежала.

— А если возвращать не по человеку, а по артели? — спросила она. — Каждый работал не один.

Иара покачала головой.

— Артели первой зимы распались. Многие люди умерли или уехали.

— Но работа осталась в камне, — сказала девушка. —

Можно спросить сам камень, где кончается одна общая работа и начинается другая.

Сена посмотрела на сестру.

Аделя поняла замысел. Рост требовал лично признанной утраты, но труд мог быть добровольно общим, если люди действительно выполняли одно дело и знали его границы. Подмена возникла не потому, что смены соединяли, а потому, что их соединили задним числом и стёрли участников.

— Найдём рабочие связки, — сказала она. — Не административные ведомости. Настоящие участки, которые люди строили вместе.

— И кто будет говорить за умерших? — спросил Кайр.

— Никто.

— Тогда их доля останется доступной дому.

— Их долю можно оставить стене, не присваивая голос. Мы не обязаны вернуть долг, чтобы прекратить его красть. Достаточно установить, чему был отдан труд.

Они раскрыли второй шов. Под известью стояли семь имён и знак водоносов. Мейла узнала ещё двоих. Иара — старшего бригады. О судьбе остальных не знал никто.

Сена положила ладонь на камень.

— Этот участок строили, чтобы удержать ветер над западной котловиной. Труд принадлежит названным людям и тем, чьих имён мы пока не вернули. Он отдан Спине. Не дому. Не совету. Не нам.

Мейла повторила. Потом Иара и Тина.

Аделя внесла щепоть земли из основания стены в железную чашку. Никакого света не возникло. Зато белая жила отделилась от кладки на длину ладони.

Дом глухо ударил дверями.

— Работает, — сказала Тина.

— На одном участке, — поправил Кайр.

— Значит, у нас есть способ.

Они двигались вдоль стены до темноты. Каждую рабочую связку отмечали новым цветом: водоносы, кладчики, известники, люди, тащившие леса. Где находился живой участник, он называл свой труд. Где не находился, наблюдатели закрепляли назначение работы, не говоря от имени отсутствующих.

Белая жила отступала медленно. Иногда дом показывал обещанную плату: комнату, лавку, тёплую постель, место для ребёнка. Тогда работу останавливали, пока человек не отделял своё от предложенного.

К полуночи они очистили шесть локтей стены.

Из трёхсот.

Кайр сидел на перевёрнутом ведре и чертил схему участков. Пальцы, зажатые циркулем, распухли. Аделя молча поставила рядом миску холодной воды.

— Это не примирение, — сказала она.

— Я знаю.

— И не разрешение снова открывать матрицу.

— Знаю.

Он опустил руку в воду и вздрогнул.

— Но спасибо.

Аделя села на камень напротив. Между ними лежала карта, вся в коротких цветных отрезках.

— Ты был прав в одном. По человеку мы не успеем.

— А ты была права насчёт общего акта. Дом проглотил бы его целиком.

Признание не отменяло того, что он привёз. Но впервые за день Кайр не пытался превратить правоту в право командовать.

С верхней дороги донёсся колокольчик.

Один удар. Потом второй.

Сена поднялась.

— Карета.

На мосту появился человек с фонарём. Он шёл один, без знаков Коллегии, и держал над головой белый пакет.

Посыльный остановился у красной ленты.

— Кайру Велену. Срочно.

Мейла приняла пакет, проверила печать и только после этого передала адресату. Кайр прочёл записку при всех.

— Что там? — спросила Аделя.

— Коллегия объявила матрицу похищенной. Завтра к полудню прибудет уполномоченная Леора Даль с шестью хранителями.

— Твоя начальница?

— Моя бывшая ученица.

Он перевернул лист. На обороте стоял ещё один знак —

перечёркнутый круг садовников.

— И они требуют отстранить тебя от любых посадок до расследования аварии.

В доме вспыхнули все окна сразу.

На этот раз в каждом Аделя увидела себя без садового ножа.

Глава 5. Сестра не выбирает за район

К полудню западная котловина успела построить зал совета из верёвок.

Сена натянула их между опорами старого навеса: красная обозначала семьи из времянок, синяя — мастерские, жёлтая — тех, кто работал на общих сооружениях. Внутри каждого сектора стояли скамьи. Посередине оставили пустой круг, куда мог войти человек, если хотел говорить только за себя.

На доске Тина вывела мелом три вопроса.

Кому хранить золотой циркуль?

Можно ли Аделе продолжать безопасные работы?

Кто вправе отказаться от общего плана?

Под последней строкой кто-то уже приписал: «И кто будет отвечать, если мы замёрзнем?»

Аделя прочла надпись дважды. Рука сама потянулась к садовому ножу, которого не было на поясе. По требованию Сены она оставила инструменты в запёртом сундуке артели и пришла не как старшая садовница, а как жительница Лерры, совершившая ошибку.

Это различие казалось правильным, пока не начинал крепиться навес. Тогда тело вспоминало быстрее мысли: где подрезать живую балку, куда вбить клин, кого отвести из-под

осыпи. Компетентность не исчезала вместе с должностью. Исчезало право действовать без спроса.

— Сорок семь семей, — сказала Сена, обходя верёвочные сектора. — У каждой один голос по вопросам жилья. Мастерские голосуют только по инструментам и работам. Общие сооружения — через тех, кого выбрали вчера. Никто не получает лишнего голоса за громкость, возраст или красивый плащ.

— А за ответственность? — спросил Рет.

Он стоял у крайней опоры отдельно от старшин. После признания в подделке смен никто не прогнал его из котловины, но и говорить от имени района ему больше не позволяли.

— Ответственность не даёт лишнего голоса, — сказала Сена. — Она даёт лишнюю работу после решения.

По верхней дороге ударили копыта.

Шесть хранителей Коллегии вошли в котловину парами. Они не несли оружия, только короткие мерные посохи с медными кольцами. Но шли так ровно, что люди возле навеса невольно расступались. За ними спускалась женщина в сером дорожном плаще. На груди у неё блестела застёжка в виде замкнутого круга.

Кайр ждал у красной ленты, обозначающей закрытую территорию. Футляр с золотым циркулем держала Сена.

— Леора Даль, — тихо сказал он Аделе. — Уполномоченная по возврату матрицы.

— В записке было «бывшая ученица».

— Это не должность.

Леора остановилась перед лентой и не переступила её. Ей было около сорока; серебряная прядь над виском казалась не сединой, а следом извести, который невозможно смыть. Она сняла перчатки и протянула Сене запечатанный лист.

— Постановление Коллегии. Прошу прочесть вслух.

— Здесь совет района, — ответила Сена. — Просить будете у него.

Леора оглядела верёвки, скамьи и доску.

— Кто его представляет?

— Сегодня — никто целиком.

В лице Леоры ничего не изменилось. Только пальцы, державшие постановление, сжались плотнее.

— Тогда с кем я должна вести переговоры?

— С теми, кого касается каждый вопрос.

— До мороза меньше трёх недель. Переговоры по каждому вопросу — роскошь.

— Тёплый дом, который ест соседние стены, оказался дороже.

Люди за красной верёвкой заговорили. Сена подняла ладонь, и шум стих не сразу. Она не приказала молчать, а дождалась.

Леора заметила это ожидание.

— Хорошо, — сказала она. — Я обращаюсь ко всем присутствующим. Матрица общего плана принадлежит Лерре и должна быть возвращена. Кайр Велен вывез её без разреше-

ния. Аделя Рун провела аварийную посадку с нарушением трёх правил приживаемости. До расследования она отстраняется от работ. Коллегия готова принять западную котловину под временное управление, укрепить Спину и завершить жильё до первого снега.

За спиной Адели кто-то выдохнул с облегчением.

Леора продолжила:

— Взамен району необходимо признать единый восстановительный план и передать Коллегии право определять очередность посадок на один год.

Облегчение исчезло.

— Вот и четвёртый вопрос, — сказала Тина и вписала его на доску.

— Он уже содержится в третьем, — заметила Иара.

— Нет. Отказаться от плана и отдать им год — разные способы пожалеть об одном и том же.

Кто-то рассмеялся. Леора посмотрела на девушку без раздражения.

— Ты ведёшь запись?

— Я разбиваю запись после исполнения.

— Неразумно. Решения должны сохраняться.

— Последнее сохранённое решение пустило корни под моим порогом.

Леора перевела взгляд на идеальный дом. Днём он выглядел почти безобидно: ровный светлый фасад, целые стёкла, сухие ступени. Только белая жила, уходившая от фундамен-

та к Спине, выдавала его связь с остальным городом.

— Я осмотрю объект, — сказала она.

— После решения наблюдателей, — ответила Сена.

— У меня полномочия Коллегии.

— А у корней нет привычки читать печати.

Один из хранителей сделал шаг к ленте. Кайр встал у него на пути.

— Внутри дом предлагает человеку отвергнутую жизнь, — сказал он. — Если хранитель ответит на предложение, матрица откроет паразиту новый участок общего плана.

— Ты уже открыл его однажды, — произнесла Леора.

— Поэтому предупреждаю.

— Поэтому ты не будешь указывать моим людям.

Она сказала это негромко, но между ними сразу возникла старая лестница подчинения: учитель, позволивший себе неповиновение, и ученица, вынужденная доказать, что давно не ученица.

Аделя знала эту лестницу. Они с Кайром строили такие же — из опыта, срочности и привычки считать своё понимание достаточным основанием для чужого шага.

— Наблюдатели могут разрешить осмотр по двое, — вмешалась Мейла. — Один человек Коллегии, один человек района. Ничего не трогать. На показанное домом не отвечать. Согласны?

Леора хотела возразить, но посмотрела на трещины Спины.

— Согласна.

Первой парой вошли Леора и Иара. Пока они поднимались к дому, совет начал с вопроса об Аделе.

Сена поставила в пустой круг низкую табуретку.

— Расскажи, что сделала.

Аделя могла бы говорить о двадцати одном маленьком ребёнке, о ночном холоде, о грузчиках, опоздавших с честными сменами. Всё это было правдой и всё это звучало бы как защита.

— Я знала, что у аварийной посадки нет подтверждённого труда, — сказала она. — Знала, что подписи об утрате собрания слишком быстро. Я решила, что сумею удержать рост до проверки. Не удержала. Дом достиг первого порога и теперь забирает устойчивость у Спины, времянок и старых фундаментов.

— Сколько ещё он заберёт? — спросил гончар Хорн.

— Не знаю.

— Можно его разобрать?

— Можно начать. Но после первого порога разбор будет отрывать материал от тех строений, к которым он уже присоединился. Мы можем обрушить Спину раньше, чем дом.

— Можно оставить?

— Тогда он продолжит искать труд и утраты. Чем больше людей увидят внутри непрожитые жизни, тем больше у него будет путей.

— Можно исправить?

Аделя посмотрела на белую жилу.

— Думаю, можно лишить его чужой цены и заставить жить на том, что жители отдадут добровольно. Но такого ещё никто не делал.

— То есть ты просишь снова позволить опыт? — спросил Рет.

— Нет. Я прошу не запрещать мне участвовать в поиске. Решать способ должен район.

Мужчина из синего сектора поднялся.

— Она лучшая садовница в Лерре. Если устранить лучшего мастера перед морозом, кому станет легче?

— А если оставить, кто помешает ей снова решить за нас? — отозвалась женщина от времянок.

— Я, — сказала Сена.

Слово вылетело быстро и легло на навес тяжелее постановления Коллегии.

Аделя увидела, как сестра поняла ошибку. Сена стояла прямо, с футляром матрицы в руках, красная верёвка проходила за её спиной словно линия власти. Люди повернулись к ней, ожидая продолжения.

Она могла сказать, что будет следить за Аделей. Могла принять циркуль, инструменты и право остановки, стать замком на двери, которую район боялся оставить открытой. Это было бы убедительно. И почти удобно.

— Нет, — сказала Сена. — Не я.

— Ты только что... — начал Хорн.

— Я сказала то, что привыкла говорить в артели. Там меня выбрали распределять работу. Но район не артель. Я не могу одна разрешить Аделе работать и не могу одна её остановить.

— Кто тогда может? — спросила Мейла.

Сена положила футляр на табуретку перед Аделей, но не передала ей.

— Для каждого участка — люди, чей дом, труд или безопасность он затрагивает. А для самого паразита нужны наблюдатели, которых можно заменить, если они начнут считать себя хозяевами.

— Пока вы будете заменять наблюдателей, трещина дойдёт до водосбора, — сказал Кайр.

Он не спорил с принципом. Он смотрел на Спину, и страх в его голосе был техническим, точным.

— Поэтому полномочие должно быть узким, — ответила Сена. — Не «делай что нужно», а список разрешённых действий до завтра.

Тина вытерла край доски рукавом и написала: «Одни сутки».

Совет заговорил одновременно. Одни требовали вернуть Аделе нож немедленно. Другие хотели ждать решения Коллегии. Третьи спрашивали, где будут спать дети, если ночью придётся эвакуировать ещё две временки.

Аделя сидела в пустом круге и не вмешивалась, хотя в голове уже складывался порядок работ. Подпереть северный шов. Отвести воду от белой жилы. Закрыть окна дома гли-

няными щитами, чтобы он не показывал людям обещания. Продолжить возвращать труд Спине рабочими связками.

Каждое действие казалось очевидным. Ни одно не было только её делом.

Леора и Иара вернулись через четверть часа. Лицо архивистки побелело. Леора несла в руке тонкую каменную пластинку.

— Вы ничего не должны были выносить, — сказала Мейла.

— Дом отдал её сам.

На пластинке был вырезан план западной котловины. Вместо времянок стояли шесть кварталов, вместо мастерских — широкий сад. Спина выглядела целой. У каждого дома имелся внутренний двор и собственный водосбор.

Люди окружили Леору.

— Это возможно? — спросил Хорн.

— По матрице — да, — ответила она. — Здесь рассчитаны ветер, вода и зимняя нагрузка. Если начать сегодня, две улицы будут готовы за девять дней.

Кайр взял пластинку за края.

— Этого варианта не было в циркуле.

— Был. Ты не мог просмотреть девять тысяч планов.

— Я составлял северные связи. Здесь мастерские перенесены туда, где весной стоит вода.

— После нового водосбора стоять не будет.

— Он питается из той же жилы, что Спина.

Леора на мгновение замолчала.

Пластинка нагрелась в руках Кайра. На гладкой поверхности появились маленькие тёмные точки — люди, идущие из времянок в одинаковые дома. Ни один не сворачивал к мастерским. Ни один не задерживался на площади.

— Это не план, — сказала Аделя. — Это приманка, собранная домом из ваших расчётов и наших желаний.

— Расчёты верны, — возразила Леора.

— Поэтому приманка хорошая.

Дом распахнул окна. По котловине прошёл запах горячего хлеба и сухого дерева. Дети побежали к красной ленте. Взрослые схватили их, но сами не отвели глаз.

Белая жила у Спины стала толще.

— Все отойти от пластинки! — крикнула Сена.

Люди послушались её как главу артели. Пространство вокруг Леоры опустело. Только через несколько ударов сердца Сена добавила:

— Это просьба наблюдателей. Мейла?

— Подтверждаю. Отойти на десять шагов.

— Иара?

Архивистка кивнула.

Тина уже натягивала запасную верёвку поперёк прохода.

Кайр положил пластинку на землю. Аделя увидела, как от её края к белой жиле тянется прозрачный корешок.

— Нужна зола, — сказала она. — И глина. Накрыть пластинку, не ломать: разлом станет новым обломком решения.

Мейла посмотрела на остальных наблюдателей.

— Разрешаем?

— На этот предмет, — уточнила Тина. — Больше ничего.

— Разрешаем, — сказала Иара.

Сена открыла сундук и принесла Аделе чашку с золой.

Нож оставила внутри.

Аделя очертила вокруг пластинки кольцо. Кайр принёс мокрую глину, но остановился у линии.

— Можно?

Три наблюдателя ответили по очереди.

Он положил глину у ног Адели. Она накрыла пластинку толстым слоем и прижала края к земле. Прозрачный корешок дёрнулся. Дом захлопнул окна; запах хлеба оборвался.

Леора смотрела не на дом, а на то, как Аделя вернула чашку Сене.

— Вы собираетесь спрашивать разрешение на каждую горсть земли?

— Пока мы не знаем, где кончается горсть и начинается улица, — ответила Аделя.

— Так город не построить.

— Возможно, нельзя построить один город. Можно вырастить много соседних мест.

— И получить сорок семь несовместимых водосборов, лестницы в стены и мосты, которые не встречаются над рекой.

— Для связей нужны соглашения, — сказал Кайр. — Не

единый владелец.

Леора повернулась к нему.

— Ты принёс им матрицу, а теперь объясняешь, что она не нужна?

— Нужна как память о связях и ошибках. Не как приказ.

— Это удобное прозрение после того, как твой старый план ожил.

Кайр не отвёл взгляда.

— Да.

В его ответе не было оправдания, и Леора будто потеряла приготовленную реплику.

Совет вернулся к доске. На этот раз вопросы разбили на решения, которые можно было исполнить до следующего полудня.

Золотой циркуль оставался в запёртом сундуке западной артели. Ключи делили трое: Сена хранила ключ от внешней скобы, Иара — от замка, Мейла — глиняную печать. Открыть сундук можно было только при всех трёх и двух наблюдателях от того участка, который собирались измерять.

Аделе разрешили участвовать в укреплении Спины и изучении паразита, но не проводить посадки и не касаться циркуля. Перед каждым действием она должна была назвать цель, возможный вред и условие остановки. Наблюдатели могли прекратить работу двумя голосами из трёх.

Леоре и двум хранителям разрешили остаться для измерений. Остальные должны были ждать на верхней дороге.

Коллегии предлагали показать собственный способ укрепления стены без передачи годового управления.

Последним остался вопрос об общем плане.

— Я могу собрать голоса семей, — сказала Сена. — К вечеру будет ответ.

— Ответ на что именно? — спросила Тина.

Сена посмотрела на строку: «Кто вправе отказаться от общего плана?»

— На то, принимает ли район предложение Коллегии.

— Какое из них? Тёплые дома? Перенос мастерских? Управление на год? Возврат циркуля? Там четыре решения, связанные верёвкой.

— Пять, — сказала Мейла. — Они ещё хотят отстранить Аделю своим постановлением, хотя мы уже решили по-своему.

Леора скрестила руки.

— Коллегия не станет торговаться по каждому пункту. План работает целиком.

— Тогда он не оставляет нам решения, — ответила Сена.

— Оставляет: принять или отказаться.

— От еды тоже можно отказаться, если выбор — съесть всё блюдо вместе с ножом.

Люди снова заговорили. На этот раз Сена не стала поднимать руку. Она вошла в пустой круг и положила ладони на колени, как раньше Аделя.

— Я глава западной артели, — сказала она. — Меня вы-

бирали распоряжаться нашей работой и останавливать опасную кладку. Я сестра Адели и не считаю её безопасной только потому, что люблю. Я не доверяю Коллегии только потому, что она умеет считать нагрузку. Но ни одно из этого не даёт мне права выбрать будущее за котловину.

— Мы затем тебя и выбрали, — возразил старый каменщик.

— Для камня. Не для ваших домов, браков, мастерских и утрат.

— Нельзя каждый раз собирать всех.

— Нельзя. Значит, решим заранее, что можно поручать, а что остаётся у человека.

Она сняла с запястья кожаный ремешок главы артели и положила рядом с золотым футляром.

— Я готова хранить один ключ. Не готова стать одной дверью.

Аделя вспомнила, как в детстве Сена отказывалась выбирать за них обеих дорогу через развалины. «Я скажу, где камень держит, — говорила она. — Но ноги у тебя свои». Тогда Аделю это раздражало. Сейчас в этой старой фразе оказался чертёж, которого им не хватало.

Совет не принял и не отверг общий план. Вместо этого каждая семья получила четыре отдельные пластинки: жильё, труд, управление, связи с соседними районами. На обороте оставили место для условий и срока. Мастерские готовили свои ответы отдельно. Через два дня представители должны

были сопоставить решения и увидеть, где требуется соглашение.

— Через два дня может быть поздно, — сказала Леора.

Словно отвечая ей, в глубине Спины раздался низкий треск.

Белая жила рванулась вверх. Шесть очищенных накануне локтей остались тёмными, а выше них камень выгнулся наружу. С края стены посыпались обломки.

— Северный шов! — крикнул Кайр.

Люди вскочили. Аделя уже видела, куда поведёт трещина: к опоре навеса, затем к лестнице над водосбором. Чтобы остановить её, нужно было открыть боковой дренаж и пожертвовать двумя рядами старой кладки.

— Мне нужен нож, три клина и шесть человек, — сказала она наблюдателям. — Снимаем давление с северного шва. Потеряем верхнюю площадку. Если трещина пересечёт красную метку, отходим и роняем навес внутрь пустого круга.

— Разрешаю, — сказала Мейла.

— Разрешаю, — сказала Иара.

Тина посмотрела на детей у дальней верёвки.

— Сначала вывести семьи из двух крайних времянок.

— Это займёт время.

— Поэтому они начинают сейчас. Моё условие.

Аделя кивнула.

Сена открыла сундук и вернула ей садовый нож.

На этот раз рукоять не означала прежней власти. Это

был инструмент для одного названного действия, на одном участке, до одной красной черты.

Леора распорядилась хранителям взять мерные посохи. Сена дала артели клинья. Кайр побежал к дренажу вместе с Хорном. Никто не успел решить, кто командует всей котловиной, и потому каждый отвечал за обещанную часть.

Аделя вскарабкалась на Спину. Под подошвами дрожал труд людей, которым город когда-то не заплатил. Внизу Сена выводила семьи, не выбирая, куда им вернуться после опасности. Тина считала детей. Иара закрывала глиной раскрытые имена. Леора держала посох на шве и вслух называла каждое изменение нагрузки.

Трещина дошла до красной метки и остановилась в ширину ногтя.

Аделя не сделала следующего надреза.

Раньше она бы решила, что ещё пол-ладони спасут больше камня. Теперь опустила нож и крикнула вниз:

— Условие остановки выполнено. Что видят наблюдатели?

Трое подошли к основанию стены. Они спорили недолго.

— Работу прекратить, — сказала Мейла. — Шов держит до утра. Дальше — после нового осмотра.

Аделя спустилась.

Никто не встретил её одобрением. Семьи устраивались в чужих временках, мастера считали потерянные камни, Леора записывала показания. Решение не стало красивым толь-

ко потому, что было общим.

Но Спина стояла.

Сена забрала нож и снова заперла его. Потом разбила глиняную пластинку с разрешением на укрепление.

— Завтра выдадим новую, если понадобится, — сказала она.

— Понадобится, — ответила Аделя.

— Тогда завтра и решим.

На идеальном доме погасло ещё одно окно. У самого фундамента зато проступила белая ступень — первый настоящий порог, которого утром там не было.

Кайр присел перед ним и коснулся земли, не заходя на камень.

— Он закрепляется, — сказал он. — После следующего роста корни уже не получится отделить от котловины даже по участкам.

Леора посмотрела на золотой футляр в руках Сены.

— Тогда завтра ваши отдельные решения столкнутся с одной общей границей.

— Пусть столкнутся, — сказала Сена. — Граница не получает голос только потому, что пришла первой.

Глава 6. Первый порог

К рассвету белая ступень выросла на ладонь.

Она не вела к двери. Начиналась у северного угла дома, пересекала пустую площадь и обрывалась перед канавой, словно строение пробовало, с какой стороны котловина согласится его принять.

Аделя обошла ступень по кругу. Ночной иней лежал на земле, но белый камень оставался тёплым. Внутри него проступали тени: подошва детского башмака, край носилок, зубчатый след тележного колеса. Дом собирал не только отвергнутые решения. Он запоминал всякое движение к себе.

У красной ленты ждали Мейла, Иара и Тина. Новая глиняная пластинка разрешала обследовать порог до третьего утреннего колокола. На ней были перечислены действия: осмотр без касания; одна проба золой; один неглубокий надрез почвы со стороны канавы. Условий остановки получилось семь.

Кайр прочёл их и вздохнул.

— Если мы будем помнить все семь, на измерение не останется головы.

— Запиши на рукаве, — предложила Тина.

Он действительно переписал условия углём на светлую манжету.

Леора пришла одна. Хранители остались у Спины и ста-

вили временные подпорки под выгнувшийся участок. Она принесла медный отвес, простой, без связи с матрицей.

— Коллегия принимает ваши ограничения до полудня, — сказала она. — После полудня я обязана вернуть циркуль.

— Обязана попытаться, — поправила Сена.

— Формулировка не меняет полномочий.

— Зато меняет то, что случится у сундука.

Аделя встала между ними и сразу пожалела об этом движении. Примирять две стороны её никто не просил.

— Начнём с осмотра, — сказала Мейла. — Остальные споры не входят в разрешение.

Они легли на доски над канавой и заглянули под ступень. Белый камень не касался земли. Между ним и почвой тянулись тонкие корни, каждый толщиной с волос. Одни уходили к дому, другие — к Спине и временкам. Самый яркий направлялся к навесу совета.

— Он выбрал место общего решения, — сказала Иара.

— Или место, где вчера собралось больше всего людей, — возразил Кайр.

Аделя посыпала край золой. Корни проступили яснее. На каждом мерцало короткое слово.

«Разрешаю».

«Согласна».

«Подтверждаю».

— Дом кормится нашими разрешениями? — спросила Тина.

— Не самими разрешениями, — ответила Аделя. — Их шириной. Мы говорили об одном действии, а он пытается превратить согласие приблизиться в согласие войти.

Кайр показал на тёмный корешок со словом «прекратить».

— Ограничение он тоже сохранил.

— Но не знает, к чему его привязать, — сказала Леора. — Для матрицы порог означает принятие строения поселения. В старых правилах не было временного или частичного порога.

— Значит, старые правила здесь бесполезны.

— Значит, без общей меры любое ваше слово можно истолковать как угодно.

Аделя провела ножом неглубокую черту со стороны канавы. Корни дрогнули и собрались в три пучка. Один был связан с проходами людей, второй — с разрешениями наблюдателей, третий уходил вверх, туда, где в запёртом сундуке лежал циркуль.

— Матрица тянет порог к себе, — сказал Кайр.

— Или порог тянется к мерке, способной признать его частью города, — отозвалась Леора.

На его манжете третьим условием значилось: «Остановиться, если обнаружится прямая связь с циркулем».

Кайр поднялся первым.

— Обследование окончено.

Аделя всё ещё видела участок, где можно было углубить

надрез и отделить пучки. Два движения ножом, не больше. Она представила результат так ясно, что пальцы свело.

— Окончено, — повторила она и убрала инструмент.

Тина разбила пластинку.

Именно тогда закричали у верхних времянок.

Из-под крайнего дома вырвался белый корень. Он поднял настил, опрокинул печь и потянул строение вниз по склону. Внутри оставались двое стариков, которых ночью переселили туда из опасного сектора.

Сена побежала первой. За ней сорвались каменщики. Аделя остановилась у красной ленты: разрешение на обследование закончилось, нового не было.

— Иди! — крикнула Мейла.

— С какой целью и до какого условия?

Вопрос прозвучал чудовищно медленно на фоне треска.

Тина ответила раньше остальных:

— Вывести людей. Дом не резать, посадок не делать. Остановиться, когда внутри никого не останется.

— Разрешаю, — сказала Иара.

Аделя перепрыгнула ленту.

Кайр уже подпер дверь плечом. Пол времянки накренился; старик лежал у печи, женщина держалась за оконную раму. Сена выбила боковую доску, расширяя выход.

— Сначала её! — приказала она.

Аделя добралась до женщины, обвязала верёвкой и передала каменщикам. Корень под полом дёрнулся. Стена иде-

ального дома раскрылась далёкой аркой. За ней появилась та же времянка, только целая, с ровным полом и тёплой печью.

Старик открыл глаза.

— Дом, — прошептал он. — Наш всё-таки дали.

Он потянулся к арке.

Белая ступень на площади удлинилась.

— Это не ваш дом, — сказала Аделя.

— Моё имя на двери.

В глубине действительно блестела табличка: «Орн и Лисса Вар».

Сказать ему, что видение лжёт, было недостаточно. Дом не выдумывал имя. Он брал настоящее обещание и убирал из него цену.

— Вам обещали жильё за работу на южной дамбе?

— За четыре зимы, — прохрипел Орн. — Я своё отдал.

— Дамбе или этому дому?

Пол просел ещё на палец. Кайр застонал, удерживая дверь.

— Потом разберётесь! — крикнула Сена.

Аделя обхватила старика под плечи. Он вцепился в доску.

— Не отнимай опять.

Она могла вытащить его силой. Могла спасти тело и оставить дому решение, принятое в страхе. Вместо этого наклонилась ближе.

— Я не могу вернуть обещанное. Но это место сейчас рушится. Позволь вынести тебя только до навеса. Не навсегда.

До следующего решения.

Орн посмотрел на арку, потом на жену за проломом.

— До навеса, — сказал он.

Белая ступень остановилась.

Они вытащили его за миг до того, как времянка сложилась внутрь себя. Корень вырвал из земли печной камень и потащил к идеальному дому.

— Режь! — крикнул кто-то.

Аделя не подняла нож. Разрешение позволяло вывести людей, не бороться с корнем.

Сена схватила лом и ударила по печному камню. Тот раскололся. Одна половина осталась в руинах времянки, вторую корень унёс под землю.

На площади белая ступень выросла ещё на две пяди.

— Ты отдала ему обломок решения, — сказал Кайр.

— Я спасала людей.

— Я знаю.

Это «знаю» не было ни обвинением, ни прощением. Только ценой, которую нельзя было отменить правильным намерением.

У навеса Леора уже требовала открыть сундук.

— Прямая связь подтверждена, — говорила она наблюдателям. — Пока матрица заперта здесь, дом будет строить порог к ней. Циркуль необходимо удалить из котловины.

— Куда? — спросила Иара.

— В каменное хранилище Коллегии.

— По линиям того же общего плана?

— Хранилище изолировано.

Кайр подошёл, потирая ушибленное плечо.

— От физических корней. Не от отклика матрицы.

— Ты не проверял новый свод.

— Я его проектировал.

Леора прикрыла глаза, будто ещё одна часть опоры оказалась гнилой.

— Тогда предложи место, которого нет в твоих чертежах.

Кайр посмотрел на реку за котловиной.

— Баржа архивистов. Она меняет причал и не является участком города.

Иара покачала головой.

— На барже записи о жителях. Если дом доберётся до них, получит тысячи чужих решений.

— В старую каменоломню, — сказала Сена.

— Там хранятся обломки разрушенных домов, — возразила Аделя. — Матрица свяжет их в готовый квартал.

Каждое безопасное место содержало чью-то память, работу или отвергнутый план. Золотой циркуль нельзя было просто вынести из мира.

— Разобрать его, — сказала Тина.

Кайр ответил слишком быстро:

— Нет.

Девушка вскинула подбородок.

— Значит, вещь важнее котловины?

— Если разомкнуть циркуль без подготовки, девять тысяч планов потеряют границы. Мы не знаем, куда уйдёт их след.

— А если не разомкнуть, один дом найдёт к ним порог,
— сказала Аделя.

Золотой футляр ударился о стенку сундука. Один раз, потом второй. Что-то внутри пыталось раскрыться.

Три владельца ключей встали вокруг сундука. Сена держала внешний ключ, Иара — внутренний. Мейла сжимала глиняную печать.

— Моё предложение, — сказала Леора. — Открываем при всех. Я замыкаю циркуль служебной скобой и увожу его только до верхней дороги. Там ждём решения совета.

— Дом уже тянется вверх, — сказала Мейла.

— Тогда до каменного моста.

— Мост выращен по городскому плану, — напомнил Кайр.

Сундук снова содрогнулся. По земле от белой ступени побежала тонкая трещина.

Аделя проследила её взглядом. Она шла не к сундуку напрямую, а к трём людям с ключами. Дом понял устройство запрета: чтобы получить матрицу, ему не требовалось ломать железо. Достаточно было соединить решения хранильниц.

Перед Мейлой открылось светлое окно. В нём её дети сидели за столом в обещанной кухне. Перед Иарой выросла полка архива, где ни одно имя не было стёрто. У ног Сены

белый камень сложился в мастерскую с целой крышей.

— Не отвечать! — крикнула Аделя.

Но дом не спрашивал вслух. Он предлагал каждой именно то, ради чего она согласилась хранить ключ.

Мейла отступила. Иара закрыла глаза. Сена осталась на месте.

— Если открыть сундук, он получит согласованное действие троих, — сказала Аделя. — Это и будет порог.

— Если не открыть, циркуль сам прорвёт замок, — ответил Кайр.

— Есть третий ключ, — сказала Тина.

Все посмотрели на неё.

— Печать Мейлы не открывает сундук. Она показывает, что его не открывали тайком. Разбейте печать, но не поворачивайте замки. Решение троих перестанет быть единым.

— Тогда любой сможет обвинить нас в подмене, — сказала Мейла.

— Да.

Слово повисло рядом с обещанной кухней.

Мейла сорвала глиняную печать и бросила на камень. Она раскололась. Видение детей погасло.

Сундук ударился о землю так сильно, что петля лопнула. Крышка приподнялась на палец, хотя оба замка остались закрыты. Из щели вырвался золотой свет.

По котловине прошёл звон — будто невидимый мастер провёл циркулем окружность от одного края до другого.

Белая ступень повернула.

Теперь она вела прямо к навесу.

— Не открывайте! — приказала Сена.

Леора сорвала застёжку с плаща. Замкнутый круг оказался служебной скобой. Она вставила её в щель сундука, пытаясь стянуть створки.

— Это действие не разрешено! — крикнула Тина.

— Я отвечаю за матрицу.

— Не за наш порог!

Скоба коснулась золотого света.

Матрица узнала знак Коллегии.

Из сундука вырвалась сеть тонких линий. Она накрыла навес, Спину, временки и идеальный дом. На одно мгновение вся котловина стала частью общего чертежа: каждая дорожка получила номер, каждый порог — место, каждый человек — точку, которую можно было передвинуть ради правильной нагрузки.

Дом распахнул двери.

Белая ступень соединилась с пустым кругом совета.

Первый порог был пройден.

Земля качнулась. Идеальный дом не вырос выше, но его основание изменилось: отдельные корни слились в широкую плиту. Она прошла под площадью, под двумя временками и под нижней пятой Спины. Отрезать дом теперь значило отрезать вместе с ним часть района.

Леора выдернула скобу. Золотая сеть погасла.

Никто не говорил.

Аделя опустилась на колени у края плиты и соскребла землю. Белый камень уходил глубже длины ножа. В нём виднелись тёмные включения: половина печного камня Орна, известь из Спины, глина разбитых разрешений.

Дом собрал их осторожность, ошибки и спасательные действия в одно доказательство принятия.

— Его ещё можно разобрать? — спросила Мейла.

Аделя заставила себя ответить без надежды, которой не могла подтвердить.

— Отдельно — нет.

— А вместе с котловиной?

— Да. Ценой Спины, площади и части жилья.

Орн сидел под навесом рядом с женой. Услышав это, он прижал ладони к лицу.

Леора смотрела на служебную скобу.

— Я замыкала матрицу.

— Ты дала ей приказ Коллегии, — сказал Кайр. — Для старого плана этого достаточно, чтобы признать территорию.

— Ты знал?

— Я знал правило. Не понял, что дом уже собрал остальное.

— Значит, виноваты все понемногу, — произнёс Рет. — Удобно.

Сена повернулась к нему.

— Нет. Каждый отвечает за своё действие полностью. Ты

подделал смены. Аделя посадила семя. Кайр открыл матрицу. Я расколола печной камень. Леора применила скобу. Наблюдатели дали разрешения, которые дом расширил. Общий итог не делает отдельную ответственность меньше.

— И что теперь?

Аделя поднялась. Перед ней стоял уже не чужой дом, который можно было изгнать, и не правильный дом, который следовало принять. Это была часть Лерры, выросшая из присвоенного труда и настоящих попыток спасти людей.

— Теперь нельзя победить его отсечением, — сказала она. — Нужно изменить то, чем он питается.

— Красивые слова, — отозвалась Леора. — Какое действие?

Аделя посмотрела на три пучка корней, которые они увидели под ступенью.

— Разделить цену роста. Вернуть обломкам конкретные решения. Труд — имена и назначение. Утратам — тех, кто вправе их признать. Пока дом смешивает всё в общий запас, он сильнее любого запрета.

— Этого нет в правилах садовников, — сказала Леора.

С верхней трещины Спины упал камешек и расколол её служебную скобу надвое.

— Старые правила уже построили нам порог, — ответила Аделя.

Тина подняла с земли неиспользованную пластинку и написала новое разрешение: «До полудня — выяснить три

условия безопасного роста. Ничего не сажать».

Она показала его наблюдателям, потом Аделе.

— Сначала нужен человек, который знает, откуда взялись правила.

— Олла, — сказала Сена.

Аделя посмотрела на дорогу к почвенному банку. Олла не пришла ни на один совет и ни разу не приблизилась к дому после аварийной посадки.

Будто знала, какой порог они всё равно переступят.

Глава 7. Три условия роста

Почвенный банк стоял там, где Лерра переставала при-
творяться городом.

За последними каменными домами дорога дробилась на тропы, между которыми проступали старые террасы. До Падения здесь выращивали виноград. Теперь на каждой террасе лежали гряды битого кирпича, черепицы, дверных петель и камней с выцветшими номерами. Обломки не были мусором. Их сушили под навесами, пересыпали золой, обвязывали нитями разных цветов и хранили так, чтобы чужое решение не прорастало без спроса.

Аделя всегда любила это место за честность. Здесь любой будущий дом сначала выглядел разрушенным.

Сегодня честность начиналась с запертой калитки.

Олла Мер стояла по другую сторону, опираясь на короткую лопату. На ней был рабочий фартук с десятками карманов. Седые волосы она стянула медной проволокой, словно собиралась не разговаривать, а спускаться в яму.

— Ты привела архитектора, — сказала она Аделе.

— И сестру.

— Сестра умеет уходить, когда ей велят. Архитекторы умеют только менять название своему присутствию.

Кайр остановился на шаг позади Адели.

— Я могу ждать у дороги.

— Тогда будешь влиять на разговор ожиданием у дороги. Входи уж.

Олла отперла калитку, но подняла ладонь, когда следом двинулась Леора.

— Председательница останется снаружи.

— Я представляю Коллегию, которой принадлежит семенной фонд, — ответила Леора.

— Коллегии принадлежат описи. Почва никому не принадлежит.

— У нас нет времени на ваши старые ссоры. Западный квартал прошёл первый порог.

Олла не удивилась. Только крепче сжала лопату.

— Потому ты и останешься снаружи. Правила, которыми вы прикрывались, уже один раз стали разрешением. Я не дам им второй двери.

Сена посмотрела на Аделю. После ночи под её глазами залегли серые тени, на рукаве засохла известь со Спины. Она не стала просить за Леору.

— До полудня, — напомнила она. — Выяснить три условия. Ничего не сажать.

Аделя повторила условия разрешения. Кайр повторил следом, отдельно. Олла слушала, глядя на их рты, будто проверяла не слова, а способ, которым каждый берёт на себя обещание.

— Входите, — сказала она.

За калиткой пахло мокрой глиной и полыньёю. Олла пове-

ла их мимо навесов к круглой теплице, наполовину ушедшей в склон. Стёкла в её крыше были разными: зелёными, дымчатыми, бесцветными. На двери висели три замка, но хранительница не коснулась ни одного. Она обошла строение и сняла с земли плоский камень.

Под ним чернел узкий лаз.

— Главный вход ведёт туда, где посетители ожидают увидеть семена, — пояснила Олла. — Значит, туда прежде всего прорастают их ожидания.

Они спустились по одному. Внизу оказался не склад, а длинная комната с земляными стенами. На полках стояли неглазурованные чаши. В каждой лежали три предмета, разделённые перегородками: обломок, рабочая бирка и маленькая запечатанная капсула.

Аделя замерла.

В учебной теплице им показывали готовые семенные узлы — три части, уже связанные садовником. Здесь части хранились порознь.

— Почему нам не показывали этот зал? — спросила она.

— Потому что тогда пришлось бы объяснить, зачем нужны перегородки.

Олла зажгла две масляные лампы. Свет лёг на ряды чаш, и Аделя увидела, что многие капсулы пусты. В некоторых вместо рабочей бирки лежал серый жетон Коллегии.

Кайр подошёл к ближайшей полке, не касаясь её.

— Это первые посадки?

— То, что от них осталось.

— Нам говорили, архив погиб при землетрясении.

— Архив погиб. Остатки не захотели.

Олла поставила на стол одну чашу. В первой ячейке лежал кусок синей черепицы, во второй — деревянная бирка с четырьмя зарубками, в третьей — медная капсула размером с ноготь.

— Дом красильщика, — сказала она. — Первый устойчивый рост после Падения. Обломок взяли из мастерской, которую хозяева решили не восстанавливать. Четыре семьи добровольно отдали по смене. А в капсуле записано, от чего каждая семья отказалась ради общего двора.

— Записано кем? — спросила Сена.

— Каждой семьёй для себя. Капсулу запечатывали при них. Садовник не читал.

Аделя осторожно подняла чашу. Черепица оставалась холодной, бирка пахла старым дымом, а от капсулы шло едва заметное тепло.

— Как проверить утрату, если её содержание скрыто?

— Никак.

Олла сказала это так просто, что вопрос Адели показался ей самой неприличным.

— Но посадка могла погибнуть, — возразила она.

— Могла.

— Четыре семьи остались бы без дома.

— Да.

— Значит, вся работа зависела от слов, которых садовник не проверял.

— Не от слов. От границы. Признанная утрата — не плата за дом и не правильный ответ. Это место, куда садовник не имеет доступа.

Олла раскрыла ладонь.

— Первое условие: обломок должен принадлежать решению, которое действительно прекращено. Не любой камень из разрушенного здания. Не символ. Человек или сообщество должны решить: вот этого мы больше не строим.

Она загнула палец.

— Второе: труд должен быть добровольным и назначенным конкретному росту. Не городу вообще. Не будущему вообще. Человек вправе отдать час, а потом уйти. Нельзя превращать четыре часа в согласие на весь дом.

Второй палец.

— Третье: утрату признаёт только тот, кто теряет возможность. Он не обязан объяснять её, доказывать или считать полезной. И вправе признать не всю утрату, а ту часть, которую способен вынести сейчас.

Третий палец.

— Ни одно условие не заменяет другое. Большой труд не исправит ложный обломок. Настоящая скорбь не сделает принуждение добровольным. Правильный камень не даст садовнику права назвать чужую цену.

Аделя смотрела на три перегородки в чаше. Всё это

она знала — по отдельности, упрощённо, как ремесленные предостережения. Но учили их соединять компоненты как можно точнее. Олла говорила о другом: безопасность заключалась не только в составе, но и в невозможности одному человеку владеть всеми тремя частями.

— Почему правило сократили? — спросила Сена.

Олла взяла со второй полки чашу с чёрным краем. В ней лежал белый камешек без отметин, серый жетон и пустая капсула.

— Потому что город замерзал.

Она поставила чашу рядом с первой.

— После Падения в Лерру пришли люди из речных посёлков. Стен не хватало, печей не хватало, извести не хватало. Зато обломков было больше, чем живых рук. Первые посадки получались медленными. Семьи спорили, меняли решения, забирали труд. Некоторые семена не всходили. Коллегия решила, что причина — беспорядок.

Кайр закрыл глаза на мгновение.

— Протокол единого назначения.

— Ты его знаешь?

— По учебнику. Там сказано, что он спас первую зимнюю Лерру.

— Он спас центральные террасы. А нижний посёлок Стежь перестал существовать.

Олла вынула из кармана железный ключ и вскрыла чёрную капсулу. Внутри оказалась свёрнутая полоска ткани.

Она развернула её на столе. На ткани проступила карта: река, тесная дуга домов, мостки между садами. Затем изображение поблёлкло, и Аделя ощутила запах яблочной кожуры и речного ила.

— Стежь стояла ниже восточной дамбы, — продолжила Олла. — Землетрясение повредило русло, но посёлок уцелел. Его жители решили перенести часть домов выше, а часть оставить. Коллегии нужны были семена для Лерры. Им предложили безопасность в обмен на обломки оставленных улиц.

— Предложили, — повторила Сена.

— Сначала предложили. Потом закрыли дамбу и объявили низину непригодной. Людям дали два дня на выход. Их решения об уходе были настоящими — если не спрашивать, кто поднял воду.

Комната стала теснее. Аделя слышала, как по земляной стене ползёт корешок полыни.

— Труд? — спросила она.

Олла постучала ногтем по серому жетону.

— Переселенцам начислили дни за разбор собственных домов. В ведомостях это стало добровольным вкладом в восстановление столицы. А признание утраты оформили одной фразой: «Отказываемся от прежнего места ради общей безопасности».

— Кто подписал? — спросил Кайр.

— Старшие двенадцати улиц. За всех.

Сена тихо выругалась.

Аделя не могла отвести взгляд от карты. В учебниках первые семена называли даром окрестных поселений. Она сама десятки раз рассказывала ученикам, что Лерра выросла благодаря общей жертве. Слова были удобны именно своей безличностью: дар без того, кто мог отказать; жертва без того, кто назначил цену.

— Эти семена стали паразитами? — спросила она.

— Не сразу. Подмена редко выглядит гнилью в первый год. Центральные дома выросли крепкими. Они давали тепло, удерживали склон, собирали воду. Только рядом с ними переставали приживаться дворы, не включённые в общий план. Люди считали, что виновата плохая почва. Потом дома начали тянуть к себе мастерские и проходы. Тогда Коллегия разделила корни каменными отсечками и назвала кварталы устойчивыми.

— Где они теперь?

— Под верхней Леррой.

Кайр отступил от стола.

Аделя поняла раньше, чем он произнёс:

— Общий чертёж сделан по их корневой сетке.

— Да, — сказала Олла. — Ваш идеальный город не просто похож на первые посадки. Он вырос из их успеха.

Снаружи ударили в калитку. Один раз, затем трижды — условный знак наблюдателей.

Сена поднялась к лазу и вернулась через минуту.

— Из котловины прибежал Тиль. Белая плита под площа-

дью нагрелась. Дом выпускает тонкие корни по направлению к верхним улицам.

— Сколько до полудня? — спросила Аделя.

— Меньше двух часов.

Она посмотрела на Оллу.

— Нам нужен способ разделить три цены в уже прошедшем порог доме.

— Такого способа нет.

— Ты сказала «старые правила уже один раз стали разрешением». Значит, знаешь больше, чем три условия.

— Знать, как не сделать рану, не значит уметь вынуть из неё нож.

— Но ты сохранила остатки.

— Чтобы никто снова не назвал их чистыми семенами.

Аделя почувствовала знакомое желание прижать Оллу к точному ответу, перебрать все доводы и найти тот, после которого хранительница уступит. Раньше она называла это настойчивостью мастера. Теперь узнавала другое: стремление получить чужое знание вместе с правом им распорядиться.

Она положила чашу на стол.

— Что ты готова сделать сама?

Олла подняла на неё глаза.

— Не что ты позволишь нам взять, — уточнила Аделя. — Какой труд ты отдашь добровольно и для какой цели?

Молчание длилось долго.

— Я покажу корневой шов первой посадки, — сказала на-

конец Олла. — Не дам вам семян и не передам журнал. Пойду сама. Мой труд — найти границы трёх слоёв под домом. Только найти. Не резать, не пересаживать и не решать за жителей, что возвращать.

Сена достала чистую глиняную пластинку.

— Условие остановки?

— Если дом покажет Стежь или заговорит голосом кого-то из моих.

Аделя не спросила, кого именно Олла потеряла. Третья перегородка оставалась закрытой.

— Я приму это условие, — сказала она. — И не буду просить открыть капсулу.

Кайр стоял у чёрной чаши.

— Мой труд — сопоставить шов с линиями матрицы, не касаясь циркуля. Остановлюсь, если для продолжения потребуется общий масштаб.

— Зачем ты проговариваешь это мне? — спросила Олла.

— Чтобы потом не назвать молчание согласием.

Она впервые посмотрела на него без насмешки.

Сена записала оба обязательства. Потом повернулась к Аделе.

Той хотелось сказать: «Я руковожу». Это было бы привычно, быстро и опасно.

— Мой труд — взять пробы трёх слоёв и обучить выбранных районом людей различать их. Не делать вывод за совет. Остановлюсь при первом изменении роста.

— А твоя утрата? — спросила Олла.

Вопрос ударил точнее обвинения.

Аделя могла назвать Кайра, довоенную мастерскую, репутацию старшей садовницы. Всё это было настоящим, но дом уже показал, как легко настоящую боль превратить в удобную монету.

Она посмотрела на свои руки. Под ногтями оставалась белая пыль идеального дома.

— Я потеряла право считать, что хороший результат оправдывает решение, принятое без людей.

— Это признание ошибки, — сказала Олла. — Не утрата.

Аделя хотела возразить. Потом поняла различие. Ошибку можно исправить и снова стать той, кем считала себя раньше. Утрата не обещала возвращения.

— Тогда так: я больше не буду единственным автором ни одного квартала. Даже если мой план окажется лучшим. Даже если из-за спора мы построим меньше до зимы.

Сена перестала писать.

— Ты уверена?

Аделя представила сад без своей окончательной подписи. Чужие неровные решения. Дома, которые могли бы стать красивее, если бы люди послушались её. И семьи, которые могли замёрзнуть, пока совет спорит.

— Нет, — сказала она. — Но это потеря, которую я признаю своей. Не требуйте её от других.

Под столом что-то тихо треснуло.

Из чёрной чаши выпала тонкая белая нить. Она потянулась к Аделе, коснулась края её рукава и остановилась.

Олла прижала нить лезвием лопаты, но не перерезала.

— Дом услышал?

— Не дом. Старый корень Стежи. Он узнаёт форму общего отказа и ищет, кто назначил его за всех.

Белая нить дрожала, не продвигаясь дальше.

— Почему остановилась? — спросил Кайр.

— Потому что Аделя назвала только свою цену.

Олла наклонилась и осторожно подняла нить вместе с комком земли. Внутри белого корня проходили три жилы: синяя, красная и прозрачная. Они соприкасались, но не сливались.

— Вот ваш ответ, — сказала она. — Безопасный корень не смешивает условия. Он держит их рядом, и каждое может закончиться отдельно. Паразит сплавляет их в белый камень, чтобы любое согласие стало согласием на всё.

Аделя присела рядом.

— Значит, разделение возможно не отсечением, а созданием границ внутри корня.

— Возможно увидеть границы. Всё остальное ты сейчас додумала.

— Верно.

Она заставила себя не превращать наблюдение в обещание.

Кайр достал уголь и начертил на обратной стороне старой

ведомости три параллельные линии.

— Матрица связывает их узлами масштаба: дом, улица, район, город. Если снять городской узел, слои могут разойтись по местным решениям.

— Или рухнуть вместе, — сказала Сена.

— Или рухнуть вместе.

Он не спрятал риск за расчётом. Аделя заметила это и ничего не сказала. Доверие, если оно ещё могло вырасти между ними, тоже нуждалось в отдельных условиях.

Олла завернула корень Стежи во влажную ткань.

— Возьмём это как образец. Он не семя. Его нельзя класть в почву.

— Наше разрешение запрещает посадки, — сказала Аделя.

— Ваше разрешение действует до полудня. Запрет должен действовать и после того, как вы испугаетесь.

Сена добавила на пластинку: «Образец не сажать, не соединять с матрицей и не передавать Коллегии; после обследования вернуть Олле». Кайр поставил рядом личную метку. Аделя — свою. Олла метки не поставила.

— Почему? — спросила Сена.

— Потому что образец мой не в смысле собственности. Я отвечаю за возвращение. Это другое обязательство.

Они поднялись наружу. Леора ждала у калитки. За ней стоял Тиль — долговязый, запыхавшийся, с белой пылью на сапогах.

— Плита уже под третьей времяжкой, — сказал он. — Но это не всё. В идеальном доме открылись окна. Из них видно верхнюю Лерру такой, какой она была до Падения. Люди приходят смотреть.

— Закрыть площадь, — приказала Леора.

— У вас нет такого полномочия, — сказала Сена.

— Тогда просите совет закрыть площадь. Сейчас.

— Можно оградить горячую плиту как опасный участок, — предложил Тиль. — Не окна. Если запретить смотреть, они полезут ночью.

Аделя кивнула.

— Пусть у дома останутся свидетели. По двое, сменами, без входа. Записывать, что каждое окно показывает и кому.

Она уже почти добавила «сделайте», но остановилась.

— Тиль, ты готов предложить это наблюдателям?

— Готов. И отдать одну смену до вечера. Только на записи, не на ограду.

Сена внесла его слова в новую пластинку.

Леора смотрела на свёрток в руках Оллы.

— Что вы нашли?

— Три условия роста, — ответила Аделя. — И доказательство, что общий чертёж наследует корни первых подмённых посадок.

— Доказательство принадлежит архиву Коллегии.

— Нет, — сказала Олла.

Леора перевела взгляд на Кайра.

— А ты?

— Я подтверждаю совпадение устройства корня с узлами матрицы. Но образец не передаётся и не соединяется с циркулем.

— На каком основании?

— На основании моего добровольного труда, который не включал передачу вам результата.

Леора побледнела. Наверное, не от неповиновения — его она ожидала, — а от того, что язык Коллегии впервые использовали, чтобы ограничить саму Коллегию.

Далеко внизу ударил колокол западной котловины.

До полудня оставался час.

Они пошли обратно в город. Олла несла корень Стежи сама. Сена держала пластинки разрешений. Кайр не предлагал забрать свёрток, хотя хромал после ночного обвала. Леора шла впереди хранителей и ни разу не оглянулась.

С перевала идеальный дом казался небольшим, почти безобидным. Солнце отражалось в его новых окнах. За каждым стеклом мерцала другая улица — ровная, целая, готовая избавить жителей от споров.

Аделя увидела среди них площадь, которую когда-то нацертила сама. В её варианте Спина была разобрана, котловина выровнена, а все сорок семь семей размещены до первого снега. На центральной плите стояло её имя.

Белый корень под дорогой шевельнулся и потянулся к её сапогу.

Аделя не отвернулась от окна.

— Это был мой план, — сказала она тем, кто шёл рядом.
— Я хотела его построить. Теперь не построю без отдельного решения каждого участка.

Корень остановился.

Сена коснулась её плеча — один раз, не как награда и не как прощение.

В котловине люди уже собирались у ограды. Им предстояло услышать не способ спасти город, а худшую новость: безопасный сад не принимает единого ответа даже тогда, когда времени почти не осталось.

И впервые Аделя должна была объяснить правило, не становясь его хозяйкой.

Глава 8. Улица отвергнутых свадеб

Первое окно показало Мейле мужа, которого у неё никогда не было.

Она стояла за оградой горячей плиты, держа журнал наблюдений. В стекле идеального дома расстилалась узкая улица с праздничными лентами. По ней к Мейле шёл мужчина в синем сюртуке, а рядом бежали двое детей — не те, что ждали её под навесом, а другие, старше и без шрамов от первой зимы.

— Записывай, — сказала Мейла Тилю. Голос у неё сорвался. — Синяя улица. Свадьба, которой не было. Вижу только я.

— Откуда ты знаешь, что только ты?

Она оглянулась. Люди у соседних окон плакали, смеялись или стояли неподвижно. Каждый смотрел в собственную Лерру.

— Потому что его звали Арен. Никто здесь этого не знает. Белый камень под площадью потеплел.

Аделя опустила пробную иглу в щель. Три жилы, которые Олла искала с рассвета, здесь уже слиплись. Синяя дрожала в такт словам Мейлы, красная тянулась к ногам наблюдателей, прозрачная уходила к окну.

— Оно использует взгляд как труд, — сказала Аделя.

— Взгляд не труд, — возразил Кайр.

— Если человек удерживает видение, достраивает лица и улицу — ещё какой труд.

Тиль захлопнул журнал.

— Тогда наблюдение кормит дом.

Ограда защищала людей от горячего камня и одновременно расставляла их перед окнами. Хорошее решение снова стало готовой частью ловушки.

— Увести всех? — спросила Сена.

Аделя увидела, как Мейла прижимает журнал к груди. Приказать ей отвернуться означало решить, какую потерю она должна вынести и когда.

— Сначала спросить каждого, хочет ли он продолжать, — сказала Аделя. — И предупредить о цене взгляда.

— Пока спросим сто человек, дом вырастет улицу.

— Тогда спрашиваем по окнам. Ты — восточную сторону, я — площадь. Тиль записывает только тех, кто сам просит.

Кайр указал на основание дома. Между белыми плитами проступала мостовая — тонкая, как рисунок под кожей.

— Уже растит.

У второго окна Иара видела архивный зал. У третьего Орн стоял перед домом, который ему обещали за работу на дамбе. Напротив Сены возникла мастерская с целой крышей. Та отвернулась первой, но мостовая не остановилась.

— Я не выбираю её, — сказала она.

— Этого мало, — отозвалась Олла. Она сидела у раскопа, держа образец Стежи на влажной ткани. — Отказ тоже ре-

шение. Дом получит обломок.

— Значит, смотреть нельзя и отвернуться нельзя?

— Можно не отдавать ему всё действие. Назови, что именно ты прекращаешь.

Сена повернулась к окну боком.

— Я прекращаю смотреть до вечернего совета. Мастерскую не принимаю и не отвергаю. Мой следующий труд — укреплять Спину, не этот дом.

Красная жила у её ног отделилась от белой плиты. Мостовая всё же прибавила ладонь: дом забрал след прекращённого взгляда, но не получил ни труда, ни утраты.

Люди начали повторять слова Сены, и Аделя подняла руку.

— Не повторяйте формулу. Называйте своё действие.

Женщина у окна слева сказала, что отойдёт на десять шагов. Гончар решил смотреть ещё минуту и никому не обещал после неё. Старик у арки попросил Тиля описать окно вместо него. Частные решения звучали медленно и неровно. Улица под площадью перестала расти прямой линией, разбилась на короткие участки и замерла между ними пустотами.

Потом открылось девятое окно.

В нём Аделя увидела себя в белом платье.

Не юную. Дом был точен в своей жестокости: показал ей нынешнее лицо, серебро в волосах, руки с садовыми ожогами. Рядом стоял Кайр, тоже нынешний, без попытки стереть прожитые годы. За ними поднималась площадь их до-

военного проекта. На камне не было трещин. Люди сидели за длинными столами, а золотой циркуль лежал закрытым среди хлеба и цветов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.